

РАЗДЕЛ IV КУЛЬТУРНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ И УГРОЗА ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ*

Борис Михайлович Кондорский
Независимый исследователь, г. Донецк

Согласно разрабатываемой автором революционной концепции исторического развития в основе каждого его этапа лежал определенный тип революций, характер которых определял потенциал дальнейшего развития. Для понимания современных социально-политических процессов основную роль играла специфика феодальных революций, которая определяла сроки наступления революционных периодов (РП) Нового времени, в той или иной стране и регионе. РП представляет собой временную систему, имеющую свои внутренние особые закономерности. Революции являются внешним проявлением этих процессов. Запад, где феодальные революции отличались заметной глубиной, автор относит к странам первой и второй генерации. К странам третьей генерации (СТГ) мусульманского мира, где РП ограничился рамками XX в., в первую очередь, можно отнести Турцию и Иран. На их примере рассмотрены основные закономерности, характерные для СТГ. Арабские страны занимают особое положение, вследствие атипического характера феодальной революции, которая затронула, в основном, городское население. В сельской местности до сих пор еще не ис-

---

* **Для цитирования:** Кондорский Б. М. (2022). Революционный период в мусульманских странах. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 13: 403–478. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_12.

For citation: Kondorsky B. M. (2022). Revolutionary period in Muslim countries. *Systemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks* 13: 403–478. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_12.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2022 403–478
DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_12

чезло кланово-племенное сознание и, соответствующие, отношения. Здесь РП начался только после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. Арабская весна как раз и стала важным этапом проявления РП на Ближнем Востоке. Проведен анализ основных факторов и особенностей событий весны 2011 г. в сравнении с другими революциями (особенно Февральской революцией 1917 г.). Показаны отличия Арабской весны от «цветных революций». Особое положение занимает Египет, который по многим параметрам ближе к СТГ. Все основные исламистские организации, с одной стороны, имеют общий архетип, а с другой – отличаются целым набором (имеющим системный характер) присущим им особенностей. Рассмотрена геополитическая ситуация на Большом Ближнем Востоке с позиций концепции политического равновесия. Особое внимание уделено племенному фактору и его активизации в современный период, приведшему к сегментации ряда стран. Фундаментальной особенностью арабских стран является доминирование социально-религиозного (общинного) сознания, в отличие от политико-экономического в западных странах.

Каждое событие, каждое явление в истории человечества является частью, элементом системы, развернутой в пространстве и во времени. И для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, нужно проанализировать все основные события данной исторической системы, обусловленные действием ее объективных законов.

Революционная концепция исторического развития

В процессе исторического развития можно выделить ряд основных этапов. Каждый этап характеризовался определенным типом исторического сознания и социального пространства. Переход от одного этапа к другому происходил революционным путем. Здесь можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития (Кондорский 2020б: 566).

Понятие революции в политической науке до сих пор остается дискуссионным. В своей совместной статье Дж. А. Голдстоун, Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев пишут:

«Как замечал один из мировых классиков в сфере изучения революционных событий К. Бринтон, ‘термин “революция” довольно проблематичен семантически не только из-за широкого диапазона его употребления, но и потому, что это одно из тех слов, что наделены очень большим эмоциональным содержанием’ (Brinton 1965: 4). Действительно, несмотря на то, что история развития теоретических взглядов на революции длится почти два с половиной века, до сих пор нет приемлемого и, что самое главное, общепринятого определения революции.

Приведем наши собственные определения революции:

Революция – “это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть” (Голдстоун 2006: 61).

“Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов” (Голдстоун 2015: 14).

“Революция – антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов” (Гринин, Коротаев 2020: 856).

Эти определения достаточно широки, чтобы охватить события, начиная от вполне мирной Бархатной революции, свергнувшей в ноябре-декабре 1989 года коммунистический режим в Чехословакии, до Исламской революции в Иране и насильственной Сандинистской революции в Никарагуа, совершенной откровенно вооруженным путем. В то же время эти определения достаточно сильны, чтобы исключить перевороты, гражданские войны и бунты, которые не прилагают никаких усилий для преобразования ин-

ституты или основ политической власти. Оно также исключает мирные переходы к демократии через такие институциональные механизмы, как плебисциты и свободные выборы (как, например, в Испании после Франко)» (Голдстоун, Гринин, Коротаев 2021: 109).

Гринин и Коротаев также дают целую систему определений революционных событий, включая такие, как аналоги революций, революционное движение без революций и т. д. (см. там же; Гринин, Коротаев 2020, 2021; Гринин Л.Е., Гринин А.Л. 2020).

Однако в настоящей статье автор использует понятие революции в более широком плане, как политический или социально-политический слом не просто политического режима в той или иной стране, обществе, но как слом определенной системы социально-политических и во многом связанных с ними экономических отношений, что позволяет обществу перейти на более высокую ступень социально-экономического развития. В какой-то мере такое трактование революции ближе к марксистскому его пониманию, когда революция представлялась как освобождение накопившихся в недрах общества новых отношений, которые могли бы вывести его на уровень новой формации. Но автор вводит понятие революционного периода как длительной полосы революционных событий, которых может быть довольно много и которые все вместе и осуществляют переход с менее высокого уровня на более высокий.

Архаические революции, которые имели место в первой половине I тыс. до н. э., разделили два периода, два этапа исторического развития – раннюю и позднюю древности и соответствующие им социумы – социумы ранней древности и социумы поздней древности. К социумам ранней древности, имеющих неолитический архетип, в первую очередь, следует отнести египетскую, месопотамскую, индскую цивилизации. А также, государственные образования бронзового века.

Обычно, архаической революцией называют тот исторический переворот, все те изменения, которые произошли в Древней Греции в VII в. до н. э. и которые коснулись всех сфер человеческой деятельности (Фролов 1988: 92–100). При этом, архаические революции имели место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, Северной Индии и Китае (Кондорский 2013: 17).

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь, Римской империи), начинается третий виток исторического разви-

тия. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена, также как реликты латинского населения, к этому не имели отношения. Регулярные «перетряски» населения, отягощенные регулярными набегами норманнов, венгров, арабов сформировали общины, лишенные и варварского и латинского сознаний. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность (как синкретическое единство обеих категорий) (Васильев 1982).

Однако, в других регионах феодальная революция не имела классического характера, как в Европе, и носила (в той или иной степени) неполный характер. Соответственно, формировался более низкий потенциал дальнейшего развития. Здесь следует обратить внимание на очень важный момент – феодализм как система появляется только после самих феодальных революций. Период, который обычно называется «ранним феодализмом» и который характеризовался появлением отдельных признаков феодализма, следует рассматривать как процесс феодализации.

В Западной Европе процесс феодализации имел место в период Меровингов и ранних Каролингов. В Китае феодализация началась после гибели империи Хань в III в. н. э. и продолжалась почти 700 лет. Многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий во времени, имели признаки (в различных сочетаниях), характерные для феодализма.

Сам феодализм как система («в китайском исполнении») появляется только в период династии Сун в X веке (Кондорский 2016: 33–34). В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался «с чистого листа», в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. В этом отношении Китай очень похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свою историческую связь с Римской империей (Каждан 1966: 56), но большую часть своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

В России феодальная революция началась во второй половине XIII в., в рамках формирующегося Московского государства. Революционный период здесь закончился уже при Иване III (Кондор-

ский 2021а: 58). Важнейшей задачей любой революции является устранение «носителей старого сознания». В данный период такими были городские общины как наследие Древней Руси. Русь к этому времени полностью исчерпала свой потенциал развития на основе существующего базиса (архетипа) и находилась в состоянии деградации. В Северо-Восточной Руси феодальная революция сопровождалась регулярными репрессиями по отношению к городским общинам со стороны Александра Невского и его сына с помощью татар (Кондорский 2021а: 58).

Следует отметить, что фактор преемственности обычно определял «неполный» характер исторических революций и относительно низкий уровень потенциала последующего развития. В частности, это было характерно для Украины, вследствие ее завоевания Литвой еще в первой половине XIV в. (Кондорский 2021а: 58). По нашему мнению, в кочевых сообществах вообще отсутствовали феодальные революции в классическом понимании (Кондорский 2019в: 68).

Наиболее серьезно проблема феодальной революции в Западной Европе была разработана в трудах известного французского медиевиста Жоржа Дюби. По его мнению, именно феодальная революция на рубеже X–XI вв. сыграла решающую роль в складывании структуры средневекового общества. Феодальная революция способствовала распространению нового вида сеньории – сеньории бана, предполагавшей наличие у сеньора элементов публичной королевской власти (баналитета): полномочия отдавать приказы, взимать налоги, наказывать, выносить судебные решения. Сеньория стала главной военно-политической ячейкой феодального общества. Особое внимание в формировании сеньориального строя автор придавал набегам норманнов, венгров, арабов (Duby 1978: 186–197).

В процессе феодальной революции произошел разрыв с порядками периода Меровингов и Каролингов. Система управления этого дофеодального периода себя полностью исчерпала. Основным источником благосостояния управляющей элиты здесь были грабительские набеги (Солоухин 2021: ЭР). После того как франки сами стали платить дань норманнам, знать стала в большей степени полагаться на землю и местных крестьян как основные источники доходов (Тешке 2011: 134–135). В Московском государстве основу

феодальной формации составляло владение землей и зависимыми (тягловыми) людьми, ее обрабатывающими.

В арабских странах феодальная революция имела много черт, которые заметно отличают ее от подобного рода событий в других регионах. Первое – это инадаптивный характер революции, начавшейся более чем на 300 лет раньше, чем в Европе. Здесь придется обратиться к биологической эволюции. В процессе эволюционного развития определенной группы организмов сначала появляются эволюционные ветви, в рамках которых формируются адаптивные структуры, которые (по сравнению с последующими) носят несовершенный характер. Подобного рода биологические виды называют инадаптивными. В процессе биологической эволюции инадаптивные виды могли существовать длительное время только за счет резкого замедления этого процесса. К тому же, они сохраняли многие архаические черты. Что мы и имеем в историческом развитии арабских странах.

Наблюдалось совпадение во времени религиозной (идеологической) и феодальной (социальной) революций, что предопределило единство духовной и светской сферы (Аватков 1996). Как следствие – религиозное пространство становится органической частью социального пространства.

Следует отметить городской характер революции, в отличие от Европы, где города находились в состоянии упадка. Феодальная революция, по существу, не затронула сельской местности, где жило подавляющее большинство населения. Владельцы феодальных поместий здесь жили в городе, в отличие от Западной Европы, где сеньор обязан был защищать своих подданных.

В Иране, не смотря на арабское завоевание, феодальная революция имела местные корни, связанные с периодом феодализации в рамках государства Сасанидов. Османскую империю следует рассматривать как преемницу Византийской, воспринявшую у нее многовековой опыт административного управления государством. Поменялась только элита (что для Византии обычное дело) и «внешняя окраска». Ни христианская, ни мусульманская религии здесь не имели глубоких корней. Так же как Византию нельзя назвать органической частью христианского мира в Европе, так и Османскую империю (в пределах Малой Азии и Балкан) – органической частью мусульманского мира. В отличие от кочевых импе-

рий, османы решительно порвали с кочевым типом сознания. Кочевники превратились в презираемый слой населения.

В Арабском халифате наблюдалась несколько иная картина. Омейяды имели в основе своего сознания традиционный, племенной и, как не покажется странным, в значительной степени еще языческий базис (Фильштинский 2005: 47). Что касается Аббасидов, то при них стремительно пошли процессы отчуждения и деградации социально-политического пространства, городской элиты, вследствие очень низкого потенциала развития, сформировавшегося в ходе феодальной революции. Произошел отрыв, отчуждение города от основной массы населения, живущей в сельской местности и имеющей традиционный, племенной тип сознания. Отсутствие в этой зоне каких-либо революционных событий способствовало тому, что данный тип сознания здесь сохранился до нашего времени.

Не смотря на многочисленные набеги племенных народов на Халифат и другие арабские государства, это не привело ко второй революции, подобной той, что имела место в Западной Европе. Возможно, помимо прочего, сыграло роль то, что нашествия обычно имели характер завоеваний.

На рубеже первого тысячелетия сложилась ситуация, когда Западная Европа начала не только воспринимать все достижения арабской цивилизации, но смогла дальше их развивать. Похожая картина наблюдалась с достижениями китайской цивилизации. Здесь также феодальная революция носила неполный характер. Сюда еще надо добавить относительную изоляцию Китая. В отличие от Запада, несмотря на то, что в Китае самостоятельно появился порох, бумага, компас – это не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, колонизации (Кондорский 2022а: 75).

В период феодализма в Европе происходит процесс полного отделения политического от собственно социального. В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность (право собственности) на землю остается у феодалов, которые трансформируются в дворян. Появляется то, что мы называем Новым временем.

Помимо вышеуказанных этапов, можно говорить о двух основных эпохах в истории человечества. Первую эпоху можно назвать социальной, а вторую – общественной, что предполагает принципиальные различия двух категорий – социума и общества (Кондорский 2021б: 86–87).

Элементом социума, как системы, является человек, индивид как личность. Социум выступает как форма совместного существования. Можно говорить о типах социума, в зависимости от исторического периода. Элементом общества является деятельность человека. Т. е. общество, по своей сути, носит функциональный, полностью отчужденный от социальных институтов, характер. Основу общества составляют экономическая и политическая системы, экономические и политические отношения.

В обществе человек подчиняется его законам (должен подчиняться). В социуме – подчиняется воле (прямой или отчужденной в форме права). В первом случае наблюдается господство законов общества, во втором – господство воли и ее носителей. В обществе его законам подчиняется не сам человек как личность, а его деятельность. Капиталист имеет успех или разоряется не по социальным, а по экономическим законам.

То же самое относится и к политической составляющей общества. Если политик в своей деятельности действует вопреки законам политической системы, он переходит в «иллюзорное» пространство, со всеми последствиями для государства и его населения.

Основные закономерности революционного периода на примере Турции и Ирана

Именно так называемые «буржуазные» революции Нового времени и предопределили переход от одной эпохи к другой. Буржуазные революции связаны с такой категорией как революционный период (РП), концепцию которого разрабатывает автор (Кондорский 2020а). Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют целостную систему, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Следует обратить внимание на очень важный момент. Закономерности, связанные с процессами в рамках РП и протеканием конкретных революций имеют объективный характер. Революция управляет людьми более, чем люди управляют ею (де Местр 1997: 14). Именно эта особенность, в первую очередь, отличает настоящие революции от явлений, которые пытаются обозначить этим термином.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы. К странам первой генерации (СПГ) можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – гражданской войной. В каждой из этих стран РП имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В большинстве европейских государств (в частности, Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии – странах второй генерации (СВГ) РП начался в середине XIX в. (под влиянием Революции 1789 г. во Франции) и закончился с окончанием Второй мировой войны. В странах третьей генерации (СТГ) – России, балканских странах, Китае, Индии, Турции, Иране, латиноамериканских государствах и других крупных странах третьего мира РП ограничился рамками XX в. В арабских странах РП начался после Второй мировой войны (Кондорский 2020а: 403). Просматривается хорошо выраженная корреляция между «глубиной» феодальных революций и сроками начала РП в тех или иных странах.

Типология и классификация революций является достаточно актуальной темой, которой касались многие ведущие специалисты в области теории революций (Барг, Черняк 1990; Михельс 2000: 108; Шульц 2018: 144-147; Friedrich 1966: 7; Skochpol 1979: 4). Ближе к концепции автора Ш. Эйзенштадт, который выделяет ранние революции, связанные с модернизацией феодального Запада – Нидерландскую, Английскую, Американскую и Французскую революции и более поздние революции второй половины XIX–XX вв. (Эйзенштадт 1999). Первая группа революций соответствует странам первой генерации (СПГ). В свою очередь, Э. Хосбаум обращает внимание на революции начала XX в. – в России, Китае, Османской империи. По мнению автора, речь идет об империях, обреченных на вымирание (Хосбаум 1999б: 404). Дж. Форан от-

дельно выделяет революции в странах третьего мира (Foran 2005: 18). Как мы видим, здесь уже речь идет о странах третьей генерации (СТГ).

Крайне интересна концепция И. И. Долуцкого, который выделяет три эшелона стран, в зависимости от характера появления и развития капитализма, которая практически полностью совпадает с нашей концепцией трех основных групп государств (СПГ, СВГ и СТГ) (Долуцкий 1989). Единственное исключение – Россия здесь отнесена ко второму эшелону.

Наиболее авторитетный в настоящее время на Западе специалист по теории революций Дж. Голдстоун пошел несколько оригинальным путем (историографическим в своей основе), выдвинув концепцию четырех поколений. Сам исследователь позиционирует себя в качестве представителя уже четвертого поколения. Правда, при этом он забывает о работах классиков марксизма-ленинизма (Шульц 2018: 173). Основным недостатком его взглядов можно считать смешивание собственно революций с различного рода восстаниями, бунтами, мятежами, не имеющими отношение к собственно революционным процессам (Голдстоун 2006: 61–62). Например, автор рассматривает крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева как революционное событие (Goldstone 1991: 2).

Основное преимущество нашей концепции, в плане классификации, заключается в том, что ее единицей является РП. Получается нечто похожее на таблицу Менделеева. Следует обратить внимание, что в скандинавских странах, при наличии РП, отсутствовали революции как таковые.

В случае конкретных революций можно говорить только о факторах. Причиной революций являются внутренние процессы в рамках РП, связанные с действием объективных законов исторического развития. Здесь можно согласиться с представителями третьего поколения специалистов по теории революций (по классификации Дж. Голдстоуна), основное внимание уделяющих дисфункциональным процессам (дисгармонии) внутри социально-политических систем (Jonson 1964; Stone 1966).

Если в СВГ (в первой половине РП) формирование капиталистических отношений носило эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого поряд-

ка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и старого государства в целом. Что и имело место в России, Китае, Турции (Османской империи).

Попытки реформ «сверху» существующей политической системы в СТГ, в конечном итоге, заканчивались провалом. Первый турецкий конституционный монарх Абдул Хамид, прозванный «Кровавым», в конечном итоге установил режим полного произвола во всех сферах общественной деятельности. Слова «свобода», «равенство», «право», «конституция» были запрещены (Гасратян и др. 1983: 138–140). То же самое относится к реформам Таги-Хана в Иране (Алиев 2004: 63–64). В Китае партия реформ «периода 100 дней» в 1898 г. была заранее обречена на неудачу. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» (Ходоров 1925: 11). Принятая в 1857 г. в Мексике одна из наиболее прогрессивных конституций того времени, мало что дала для социально-политического развития народа.

Для СТГ, в отличие от ведущих стран Запада, было характерно слабое развитие в РП экономической и политической систем и соответствующего пространства. Как результат – с одной стороны слабость элиты, а с другой – «эффект зависимости». Дело в том, что основной функцией элиты является формирование, поддержание и развитие социального пространства. В период РП – политической и экономической систем. Отсюда – политическая слабость буржуазии.

Слабость элиты формирует чувство неполноценности. Можно вспомнить маниакальные притязания Реза-шаха на преемственность с династиями Ахеменидов и Сасанидов (Агаев 1981: 174). Подобное явление было характерно и для некоторых СВГ. Это в первую очередь относится к Муссолини, который считал Италию преемницей Римской империи.

В Иране влияние национальной буржуазии на государственную политику долгое время оставалось незначительным (Алиев 2004: 149). Появляется компрадорская буржуазия, которая зависела от мирового рынка и не способствовала развитию собственной промышленности (Годс 1994: 27). Происходит превращение СТГ (в частности Ирана) в рынок сбыта дешевых промышленных товаров западного производства. Как результат – разрушение ремесла и

домашней промышленности как основы местного экономического пространства (Агаев 1981: 18). Попытки реформ в Иране в первой половине 70-х годов не дали ожидаемых результатов Средства производства и доходы сконцентрировались в руках крупной промышленно-финансовой и бюрократической буржуазии. (Пластун 2005: 320).

Главной формой зависимости была финансовая. Практика регулярных займов в Турции привела к тому, что в 1876 г. одни проценты по займам достигли чудовищной для Турции цифры в 14 миллионов фунтов (Годес 1928: 10). То же самое относится к займам шаха у иностранных держав (Дорошенко 1998: 35). В результате чего Турция, также как Иран, вынуждены были передать таможенную систему под контроль западных стран-кредиторов. В 70-х годах около половины бюджетных расходов Османской империи шло на погашение долга (Петросян 2003: 304). Не лучше ситуация в этом отношении была в других СТГ. К началу Первой мировой войны доля России в общей мировой финансовой задолженности составляла 31% (Завалько 2005: 172).

Иностранный капитал в Турции и Иране мало занимался развитием национальной экономики. К тому же, иностранные инвестиции создавали эффект зависимости от ситуации в экономике ведущих европейских стран. Кризисные явления в этих государствах имели гораздо более тяжелые последствия для СТГ (Верт 2006: 19). Различного рода концессии, предоставляемые руководством СТГ, фактически защищали интересы иностранных компаний (Годс 1994: 27).

Для СТГ была характерна разнородность политического и экономического пространства. Сюда следует добавить внутренние таможенные перегородки, региональную и этническую раздробленность. Все это затрудняло формирование единой нации. Иранцы на рубеже XX в. очень слабо ощущали национальную идентичность (Годс 1994: 11). В связи с этим, заметную роль в формировании иранской нации сыграло шиитское руководство (Кедди 1999: 48–49). Не смотря на этническую раздробленность страны, более 90 % населения страны составляют шииты.

Слабость политического пространства способствовала формированию в Турции партии на основе личной преданности Мустафе Кемалю (Годес 1928: 31). Предпринимались попытки создания по-

литических партий в Иране. Подобного рода политические организации здесь отличались аморфным характером и расплывчатостью своих программных установок (Агаев 1981: 55–57).

Особо следует остановиться на роли армии. В большинстве СТГ – Турции, Иране, Китае и, особенно, в латиноамериканских странах в РП армия играла ведущую роль. В культурном и политическом отношении в Турции армия была самой передовой группой в стране (Годес 1928: 36). Следует отметить высокий уровень образования турецкого офицерства (Шпилькова 1977: 31). Ататюрк, Чан Кайши, Реза-Хан (основавший шахскую династию Пехлеви) имели военное происхождение.

Наблюдается даже сходство Синьхайской и Младотурецкой революций, и, в определенной степени, Февральской в России в мелочах. Революция в Китае началась на юге страны с восстания батальона. В Турции исходной точкой стал мятеж в Македонии под руководством лейтенанта Ниязи, к которому затем присоединился майор Энвер-бей. После того, как под давлением военных была восстановлена конституция страны, три дня вся империя была охвачена лихорадкой экстаза (Киреев 2017: 14–15). Здесь уместно вспомнить реакцию населения Петрограда на отречение Николая II и великого князя Кирилла Владимировича с красным бантом на груди.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленной революции – была индустриализация под непосредственным руководством государства. Политика активного участия государства в становлении промышленности – этатизм был основой процесса индустриализации в СТГ. Убежденным сторонником и инициатором подобного рода политики в Турции был Ататюрк. Этатизм мыслился им как комплекс государственно-капиталистических мероприятий, нацеленных на создание государственного сектора экономики, действующего в тесном взаимодействии с частным капиталом в условиях свободы рыночных отношений (Владимирский 2014: 300; Розалиев 1995: 31). Тот же Гомиьдан в Китае проводил антикапиталистическую (а не антибуржуазную) политику в духе этатических идей Сунь Ятсена (Непомнин 1998: 288–289).

Для РП характерны свои специфические законы. В этот период все режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры (особенно во время самих революций). Даже в

В США имела место диктатура в период реконструкции Юга (Блинов 1960: 327). Диктатура позволила Советскому государству провести индустриализацию и выстоять против фашистской Германии. Если бы в 1917 г. победила буржуазия, то Россия в своем развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на нее Германии – мы знаем из истории.

Для Турции достаточно вспомнить регулярный приход к власти военных в РП. То же самое относится и к Пакистану. Формой правления Реза Пехлеви, так же, как и его отца, была личная диктатура, сопровождавшаяся узурпацией законодательной и исполнительной власти (Иранская революция 1989: 26–27). В латиноамериканских государствах как СТГ военные диктатуры были обычным явлением в РП. Обращает на себя внимание тот факт, что после 90-х годов (окончания РП) они здесь полностью сошли на нет.

Успех духовенства во время исламской революции в значительной степени определился ее способностью создать диктатуру. В отличие от буржуазии, лидер которой Банисадр отсутствием действенной политической организации пытался компенсировать бесконечными речами, которые были малопонятны широкому массам населения (Агаев 1989: 26–27). Здесь также уместно вспомнить Керенского с его пустыми выступлениями.

РП несовместим с демократией. Попытки либерализации власти в РП, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 30-е годы.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. Например, в Иране, где РП закончился в 90-е годы, вышеперечисленные институты имеют выраженную исламскую составляющую.

В России РП пришелся, в основном, на годы советской власти. Соответственно, сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же, данный архетип невозможно изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. В Китае это поняли еще в 80–90-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. Если к настоящему времени в политической сфере российское руководство это осознало, то в экономической – пока недостаточно. В тоже время на Украине сформировавшийся «советский» архетип был полностью проигнорирован, что привело к глубокому кризису политической и экономической систем страны.

Кстати, относительная легкость перехода к исходному состоянию европейских стран социалистического лагеря (Венгрии, Чехословакии, Польши) была обусловлена тем, что архетипический фундамент, сформировавшийся в середине XX в. после окончания здесь РП, носил «буржуазный» характер.

Период 60–70-х годов в Турции (которая находилась еще в состоянии РП) был отмечен активностью ультралевых организаций. Широкое распространение получила марксистская идеология. Только в Стамбул ежедневно прибывало до тысячи человек из сельской местности. Вчерашние крестьяне пытались прижиться в городе, постепенно теряя свои традиционные обычаи. Они легко поддавались на уловки левых ради революции или на уловки правых ради возрождения Великой Турции. Ради всего этого они готовы были убивать и умирать (Пластун 2005: 80–83). Военные перевороты в Турции 1971 и 1980 гг. были направлены против политических партий исламской ориентации (Инсель 2016: 131). Однако, политический ислам постепенно, но необратимо, шел к власти.

Интересная ситуация в настоящее время сложилась в Турции. Нынешнее руководство страны, пришедшее к власти после окончания РП, стало проводить внешнюю и внутреннюю политику не совсем соответствующую сформировавшемуся базису в РП (Ланцов 2013: 157), основные принципы которого были заложены еще Ататюрком. В частности, Ататюрк считал опасной для государства политику пантюркизма и панисламизма (Розалиев 1995: 20). То же самое относится к попыткам исламизации страны. Все это в перспективе может привести к серьезным последствиям для экономи-

ки и территориальной целостности страны. В то же время, Иран показал устойчивость своей политической и экономической систем в условиях жестких международных санкций.

Следует отметить, что турецкий исламизм заметно отличается от такового в арабских странах. Турецкая модель ислама опирается на средний класс. А турецкие исламисты – это прежде всего бизнесмены, выросшие в исламской среде. Поэтому, в Турции политический ислам является сторонником политической и экономической либерализации. Арабские исламисты обычно опираются на деструктивную бедноту, которая хочет от политического ислама справедливости (Мирзаян 2016: 138).

Только государства, где РП уже закончился, могли быть субъектами геополитического пространства. Например, после окончания Первой мировой войны только три страны – Великобритания, Франция, США (являвшимися субъектами геополитического пространства) оказались реальными победителями.

В интересной ситуации оказался СССР. Став реально после Второй мировой войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что целый ряд крупных государств (СТГ), в которых закончился РП, став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Это говорит о том, что революции (точнее РП) могут оказывать серьезное влияние на мировой геополитический баланс (Grinin 2022: 74).

Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния с одной стороны между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой стороны – между самими новыми субъектами геополитического пространства. С этой точки зрения конфликт между Турцией и Россией был неизбежен, так как у них много, в рамках геополитического пространства, точек противоречий и на Ближнем Востоке и в Закавказье. Единственно важный момент. Со своими «коллегами» по СТГ можно договориться,

найти общий язык. Что мы и имеем в настоящее время в отношениях с турецким руководством. В то же время отношения с СПГ и СВГ (Западом) носят антагонистический характер (Кондорский 2020а: 405).

Революционный период в арабских странах

Как уже говорилось выше, в арабских странах РП начался только после Второй мировой войны. Для понимания глубинной сути социально-политических процессов в рамках РП в этом регионе, необходимо затронуть процесс формирования арабской цивилизации после феодальной революции в первой половине VII в. Кстати, для лучшего понимания сути современной внутренней и внешней политики Китая, нужно углубиться в историю этой страны на две с половиной тысячи лет (Кондорский 2019а).

В доисламский период Аравия состояла из двух миров – ряда городов (Мекки, Таифа, Ясриб-Медины), живших за счет караванной торговли и совокупности бедуинских племен, занимавшихся вымогательством по отношению к этим караванам. Вследствие отсутствия прибавочного продукта, выдавленные в пустыню люди были вынуждены выживать, создавая банды грабителей, обеспечивающих свое существование налетами на караваны, скотоводов и земледельцев (Бернард 2017: 31; Эль Мюрид 2016: 39). Следует отметить, что города были основаны, в свое время, определенными племенами (Мекка была основана племенем курайшитов) и имели кланово-родовую структуру. В рамках каждого клана внутренние интересы однозначно преобладали над внешними.

Первичная община последователей Мухаммеда, так же, как и он сам, состояла из изгоев, в плане своего сознания. Его учение носило надэтнический, надплеменной характер. Просматривается прямая аналогия с первичной общиной Христа и его учением.

Следует отметить, что историю творили именно изгои (Кондорский 2022б: 80). Достаточно еще вспомнить Ромула, Цезаря, Чингисхана (Темучина)

Мухаммед стал не только духовным главой религиозной общины – имамом, но и правителем Медины, судьей и военачальником. При этом он исходил из родо-племенных традиций. Вождь племени (саййид) ведал всеми общественными делами. Мухаммед стал саййидом всей мусульманской общины (Еремеев 1990: 24).

Первые омейядские халифы сохранили в своем поведении многие черты прошлой патриархальной бедуинской жизни и придерживались принципа асабийи – племенного единства, абсолютной приверженности племени. Основу армии составляли бедуинские отряды, у которых остались деструктивные аспекты старого родоплеменного состояния. В отношениях в армии главным критерием была принадлежность к тому или иному бедуинскому племени (Фильштинский 2005: 47–49).

Мусульманские города носили, в первую очередь, торговый характер (Кункова 2010: 61). Караванная торговля давала очень высокие прибыли. Многие купцы имели огромные по тем временам состояния. Торговлей занимались члены правящих династий, наместники, высшие военачальники, кадии, везиры (Оськин 2002:345). Если в Европе города дорожили свое автономией и боролись за нее всеми доступными средствами, то на Ближнем Востоке имела место совершенно обратная картина (Кункова 2010).

Это говорит о кардинальных различиях феодальных революций в Западной Европе и Ближнем Востоке. До эпохи Возрождения основным местом культурного развития здесь были монастыри. В феодальном западноевропейском городе не было базаров восточного типа. Имели место ярмарки в сельской местности (Бродель 1997: 14), как места сбыта продуктов местного производства, что способствовало формированию экономического пространства. Международная торговля престижными вещами средневековых республик не оказали особого влияния на развитие капиталистического способа производства.

В сельской местности в арабских странах не появился прибавочный продукт как основа феодального способа производства, не появилось феодальной экономики. Зато в городах имел место избыточный продукт как основа арабской цивилизации. Следует обратить внимание на отсутствие внутренней колонизации, которая сыграла в Западной Европе исключительно важную роль в прогрессивном развитии (в области экономики) феодального общества (Блок 1957: 45–46).

Если в Европе феодализм формировался на основе общин, начисто лишенных племенного сознания, то обратная картина была характерна для Ближнего Востока. Инадаптивный характер развития предполагает сохранение многочисленных реликтов предыду-

шего типа сознания (в данном случае патриархально-племенного). Низкий уровень потенциала развития, сформированный феодальной революцией, способствовал тому, что уже на рубеже первого тысячелетия социумы здесь перешли в инерционный период с сохранением племенной структуры в сельской местности. Исследователи отмечают весьма поверхностное и «прохладное» отношение бедуинов к исламу и его предписаниям, наличие многочисленных языческих пережитков, вплоть до XX в. (Васильев 1999: 77).

Деградация социального пространства в инерционный период сказалась на характере формирования политической и экономической систем в РП в арабских странах. Их слабость способствовало, с одной стороны, выраженной зависимости от внешнеполитических и внешнеэкономических факторов, а с другой – формированию иллюзорного пространства, где действие объективных политических и экономических законов сведено к минимуму.

Иллюзорность политико-экономического пространства способствовало формированию соответствующего типа сознания, особенно у молодежи. Молодые люди от 15 до 30 лет в настоящее время составляет около 40 % населения в арабских странах (Васильев 2011: 2). Иллюзорность способствует тому, что для понимания и анализа происходящих процессов приходится использовать не основные категории экономической и политической систем, а такие понятия как «экономическое самоощущение» (Фитуни, Солодовников 2012: 7), «противоречия между ожиданиями молодежи и возможностями их реализации» (Васильев, Петров 2012: 36), «ухудшение возможностей удовлетворения потребностей», «рост жизненных притязаний» (Ланцов 2013: 147, 157). Одним из основных двигателей бунта является ущемление чувства справедливости (Шульц 2014б: 54). В данном случае – иллюзорная видимость этого, характерная для молодых людей.

Молодые люди, получившие высшее образование и не имеющие работу отличаются амбициозностью. Мечтают о собственном автомобиле, жилье, возможности завести семью. Однако, собственного будущего у них нет (Васильев, Петров 2012: 41). Молодежь – благодатный объект политического манипулирования (Фитуни 2012: 9). Этому способствует максимализм в оценках, стадный инстинкт, объединение по принципу наши – не наши. Молодежь прекрасный материал для революционного пожара.

Доминирование иллюзорного пространства в арабских странах привело к тому, что основной движущей силой Арабской весны выступила образованная молодежь, мобилизованная посредством сетевых технологий (Фитуни 2011: 12). Иллюзорный характер носили и ожидания той же молодежи. В первую очередь, на возможность использования мнимых миллиардов прежнего политического руководства на зарубежных счетах (Васильев 2011: 4).

Арабская весна

Арабскую весну нельзя рассматривать как цветную революцию (Фитуни 2011: 10), аналогичную классическим событиям подобного рода в других странах. Действительно, часть египетской и тунисской молодежи руководствовалась методами, разработанными в свое время сербской молодежной группой «Отпор». Речь идет об использовании ненасильственного сопротивления (Васильев, Петров 2012: 70). Однако, в отличие от ряда стран, где РП уже закончился, на Ближнем Востоке события Арабской весны происходили по законам РП. «Цветастость» имела больше внешний характер и не оказала определяющего влияния на события весны 2011 года.

А. М. Васильев видит основные причины революционных событий 2011 года в кризисе авторитарной модели власти, нежелании проводить эффективные реформы, чудовищной коррупции, высоком уровне безработицы, отсутствии демократических прав и свобод. В противоречии между ожиданиями, порой завышенными, образованной молодежи и отсутствием возможностей для их реализации (Васильев, Петров 2012: 36).

Здесь правильное говорить не о причинах, а о факторах Арабской весны. Все, на что обращает внимание А. М. Васильев, было и в предыдущие десятилетия. Арабские страны находятся в состоянии РП, в рамках которого подспудно идут определенные процессы, которые могут проявлять себя в виде революций. Не надо забывать, что та же Франция за весь РП пережила четыре революции. В Испании только в XIX в. состоялось пять революций. При этом, реально РП здесь начался только в районе пятой революции 1868 – 1874 гг. и закончился со смертью Франко.

Наблюдаются также процессы сегментации общества, когда каждый сегмент живет определенными ожиданиями. В России в начале XX в. средний класс – дальнейшим улучшением качества

жизни, правые – укреплением самодержавия, левые – радикальной революцией, либералы – учреждением конституционной монархии, крестьяне – справедливым распределением земли. Если ожидания не сбываются, происходит накопление отрицательной энергии, которая пока носит скрытый характер. При этом, власть постоянно испытывает давление несовместимых требований – различные слои населения ждут от нее диаметрально противоположных действий.

Именно подобного рода несовместимость, разрыв между потребностями и реальностью, порождает острое чувство неудовлетворенности, особенно характерное для молодежи. Согласно принципу Дэвиса революции происходят не в период острых кризисов, а в период, когда подъем, внушавший людям надежды, сменяется резким спадом (Davies 1962).

Протест вызывается не столько ухудшением положения, сколько повысившимися требованиями к жизни (Шульц 2014а: 36). Молодежь воспринимает свое положение через высокие стандарты западных потребностей, транслируемые через СМИ и Интернет, которые вступают в конфликт с существующей действительностью (Политическое цунами 2011:270).

Что касается коррупции, то она исторически является органической частью арабской ментальности. Кстати, также как и других СТГ (в той или иной степени), включая Россию. В Тунисе две трети экономики страны контролировалось семьей президента (Долгов 2012: 18). Башар Асад покровительствовал семейному бизнесу своих родственников (Васильев 2012: 66). После революции в Иране к духовенству перешла значительная часть национализированной собственности (Мамедов 2016: 123).

В настоящее время в научной среде пришли к выводу, что обнищание населения не могло быть причиной революций. То же самое касается жизненного уровня в странах Ближнего Востока перед Арабской весной (Беляков 2013: 66; Гринин и др. 2016: 29; Долгов 2012: 22). В конце двухтысячных годов регион демонстрировал лучшие за три десятилетия показатели устойчивого экономического роста (Фитуни 2012: 6). Под вопросом находится фактор безработицы. В Пакистане, при отсутствии каких-либо революционных процессов, более двух третей горожан не имеют работы (Ланда 2014: 56).

В целом, просматривается парадоксальная (внешне) закономерность, когда смены режима произошли в самых развитых (за исключением Персидского залива) странах. А государства с более худшими социально-экономическими показателями не столкнулись с сильными протестными движениями (Колобов, Шульц 2014: 43).

Что касается внешнего воздействия. Подобного рода факторы, если взять историю революций, обычно не оказывают определяющего влияния на процессы в рамках РП. События на Арабском Востоке, как уже говорилось выше, не укладываются в известные схемы «цветных революций» (Эхо арабских революций 2011: 3). Столь крупная и практически одномоментная дестабилизация всего региона оказалась неожиданной для США (Васильев, Петров 2012: 72; Шумилин 2015: 10).

Однако, руководство США смогло быстро сориентироваться и развило небывалую активность в регионе, особенно в Ливии и Сирии (Примаков 2016: 383). Были налажены контакты с новыми политическими силами, даже с Братьями-мусульманами в Египте. Администрация Обамы стала преподносить события Арабской весны как успех американской политики, несущей исламскому миру идеалы и ценности либерализма и демократии (Урнов 2015: 49).

Запад по отношению к арабским странам (и не только) по существу повторяет ошибки большевиков в лице Троцкого, пытавшегося осуществить экспорт революции в другие страны. Евразийская доктрина демократического интернационализма, экспорта демократии со стороны США (Фитуни 2012: 12) носит, в своей основе, иллюзорный характер.

Программа «Большого Среднего Востока», с целью трансформации правящих в регионе элит по западным лекалам, предполагающая формы и методы демократизации по-американски, была отвергнута лидерами арабских стран. Им было достаточно примера саморазрушения коммунистических номенклатур, которые попытались принять западные правила игры и рухнули (Васильев, Петров 2012: 67). Арабские элиты в этом отношении проявили известную «упругость», в отличие от советского руководства в конце 80-х годов. В целом, революционные процессы не привели к установлению западных моделей демократии (Орлова, Седова 2016: 205).

Главная ошибка Запада заключалась в том, что он пытался рассматривать события Арабской весны через «демократические очки» (Bakri 2011; Raghavan 2011). В арабском мире главной ценностью выступает «родовое мышление», которое является более важным, нежели обеспечение прав и свобод личности или развития частных инициатив (Samad 2007: 5).

Революционный характер событий Арабской весны (в сравнении с классическими революциями)

Возможность появления революций связаны, во-первых, с достижениями обществами определенного уровня развития и появлением в них определенных явлений, феноменов и отношений; во-вторых, с особенностями социально-политического строя обществ; в третьих, с возникновением кризисной ситуации особого рода (Гринин 2017а: 7). Здесь нужно сделать несколько уточнений и дополнений. Именно РП на каждом этапе исторического развития связаны с достижением определенного уровня развития. При этом, речь идет не об обществах, а о социумах. Общества (точнее общественные системы) в понимании автора (Кондорский 2021б: 87) появляются только после окончаний РП Нового времени.

Особое значение придается модернизации, которая рассматривается как процесс перехода от аграрных социумов к индустриальным (Гринин 2013, 2017б; Гринин, Коротаев 2016; Хантингтон 2004). Следует отметить, что в социальную эпоху технологический прогресс подчинялся социальным законам, а в общественную эпоху превратился в автономный феномен, развивающийся по своим внутренним законам.

Обычно, говоря о модернизации, имеют в виду Новое и Новейшее время. Однако, после архаической революции в древней Греции происходили аналогичные процессы, связанные прогрессивными изменениями в технологиях обработки металла, производства керамических изделий, строительства общественных зданий (Фролов 1988: 92).

Считается, что модернизация порождает нестабильность (Хантингтон 2004: 59). В Англии экономический базис развития капитализма и промышленной революции начал формироваться еще в начале XVI в. с так называемого «огораживания», разрушившего

традиционную общину. В сельской местности большая часть населения лишилась своих земель и оказалась, по существу, вне закона, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, до середины XVII в. здесь не наблюдалось особых социальных потрясений. Да и сама Английская революция имела несколько иной характер.

Здесь нужно вспомнить, что согласно революционной концепции исторического развития имеют место две эпохи – социальная и общественная со всеми принципиальными различиями (Кондорский 2020б: 569). Переход в последнюю в Западной Европе произошел в Новое время. В Англии, уже в процессе промышленной революции, законы экономической системы (капиталистического способа производства) полностью подавляли любые проявления социального. Резкое снижение доходов надомных ткачей в конце XVII – начале XIX веков привели к тому, что от голодной смерти за этот период умерло их около 500 тыс. (Хосбаум 1999а: 62). Следует обратить внимание, что на этом фоне никаких революционных событий в Англии не наблюдалось. РП здесь закончился еще в конце XVII в. Славной революцией, что означает отсутствие каких-либо условий для подобного рода событий.

Подобного рода ситуация была характерна для Франции первой половины XIX в. Здесь, без отдельного заработка жены и детей, семья абсолютно не могла просуществовать, даже впроголодь. Живущие в полной нищете, рабочие редко прибегали к преступлениям против личности и собственности. Как следует из отчета одного чиновника – «рабочие страдают без возмущения и почти без ропота» (Тарле 1959: 39-41).

Революции 1830 и 1848 годов были связаны с разборками внутри элиты государства. В последнем случае, в плане доминирования, финансовую буржуазию сменила промышленная. Основу всех революций составляет устранение «носителей старого сознания». В процессе вышеуказанных революций, в конечном итоге, к власти пришли политики в лице Наполеона III, которые смогли наиболее эффективно, при относительно минимальных социальных издержках, провести модернизацию во Франции (Черкасов 2012). Таким образом, здесь модернизация имеет лишь косвенное отношение к революционным процессам.

В России процессы модернизации, также, как и других СТГ, начались в середине XIX в. До этого, каждая социальная страта

четко знала свое место, свои возможности, как себя вести и что делать, чтобы улучшить свой жизненный уровень. С одной стороны – это обеспечивало определенную стабильность, а с другой – застой в развитии, который стал особенно невыносимым после позорного поражения в Крымской войне.

Проведенные реформы имели определенные последствия. Появились революционно настроенные разночинцы, как изгои (в плане своего сознания) из своих сословий и корпораций, неудовлетворенные существующим положением вещей. Их уже не интересовало ни благосостояние, ни положение в обществе, которое они стремились изменить революционным путем.

Тем самым появляется принципиально новая фундаментальная «потребность», которая затем привносится в массы. Главной потребностью революционно настроенных рабочих во время их выступлений становится не столько повышение зарплаты и улучшение условий труда, сколько кардинальное изменение своего положения в обществе, приход их к власти. В течение длительного времени происходит своеобразная «накачка» профессиональными революционерами рабочих подобного рода идеологией, которая, помимо событий 1905 – 1907 гг., проявляет себя во время Февральской революции, за счет регулярных стачек, предшествующих этому событию. 23 февраля просто «лопнула струна».

В одной из своих публикаций (Кондорский 2018: 88–89) автор сформулировал «синдром барина», по аналогии с известной поэмой Некрасова, когда крестьяне помещичьей деревни во всем надеялись на приезд барина. Подобного рода синдром особенно был характерен для Украины 90-х годов. Да и сейчас, здесь он никуда не делся.

Надежда на то, что большинство проблем должен решать царь (господин) было характерно для русского менталитета еще со времен Ивана Грозного и часто приводило к различного рода народным бунтам. Проблемы должны решаться. В противном случае, происходит внутреннее накопление недовольства, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Противоположная ментальность характерна для американцев. В идеале, власть должна создавать такие условия, чтобы каждый мог решать свои проблемы самостоятельно. А так как проблемы, особенно с началом войны, все больше накапливались, народ потерял веру в «доброе царя». Нечто похожее было характерно и для стран Арабской весны (Васильев 2011).

После Февральской революции в обществе утвердилось мнение, что новая власть все может. Для обывателя новый уклад сводился к сладости безделья, непрерывному променаду и хорошему за сие жалованию. От Керенского экзальтированная публика ждала каких-то чудес. Образованная часть общества обомлела перед открывающимися перспективами демократии (Булдаков 1997: 60–62). Включение термина «демократия» в собственно политический лексикон стало обязательным для всех политических сил – от большевиков до корниловцев (Колоницкий 1997: 110).

Любое представление, помимо главных актеров, имеет массовку, «подтанцовку». Во время революционных событий эту роль играла, в основном, молодежь. Во время индустриализации в промышленные города хлынул поток сельской молодежи (Пайпс 1994: 216), которая всячески хотела занять «городской лоск», но в плане базового сознания (содержания) оставалась теми же крестьянами, часто во втором, а то и третьем поколениях. Данный когнитивный диссонанс формировал чувство неполноценности, которое часто проявлялось в виде избыточной активности. Подобного рода «материал» мог использоваться как политическими силами социалистического направления, так и черносотенского.

В качестве примера можно привести поведение продотрядников – горожан в первом поколении. Они утратили всякую связь с деревенской средой, но обрели целый комплекс иных характеристик: патологическое чувство собственной неполноценности, не определявшей еще, к какой среде они принадлежат, стремление самоутвердиться, желание пройти испытание кровью. Отсюда, жестокость и, часто, откровенный беспредел (Теплицын 2002: 74).

Определенное внимание уделяется феномену «молодежного бугра». Речь идет о высокой степени концентрации молодежи в крупных городах, роли безработицы, особенно среди высокообразованной молодежи. Молодежь особенно склонна к радикализму, она часто испытывает трудности с трудоустройством. В результате модернизации происходит оседание молодежи в крупных городах (Коротаев А. В. и др. 2011, 2012: 37).

Дж. Голдстоун считает, что большинство революций XX в. произошло там, где наблюдался молодежный бугор (Goldstone 2002: 11–12). Речь идет о демографическом факторе как причине революций – структурно-демографической концепции. Значитель-

ная доля молодежи в структуре населения ведет к социальному напряжению, провоцирует различного рода протестные настроения, приводит к революционным потрясениям (Kaufmann, Toft 2012: 6). Голдстоун даже утверждает, что причиной Английской революции был рост населения (Goldstone 2000: 22).

Урбанизация породила «массового человека», в первую очередь в лице молодежи, которая вышла за пределы своей традиционной ниши. Массы перестали подчиняться меньшинству и стали стремиться к утверждению ценностей большинства, нередко вопреки здравому смыслу. Это порождает неблагоприятное восприятие молодежью того, что может представить им общество (Ортега-и-Гассет 1997).

В процессе своего исторического развития СТГ, в конечном итоге, «одной ногой» оказались в социальной эпохе, а другой – в общественной. Оболочка здесь носит общественный характер, а содержание – социальный. Подобного рода промежуточный характер является причиной того, что в СТГ так и не сформировался капитализм как система и остался в виде уклада (Кондорский 2017: 75) как в начале XX в., так и в современный период. В Китае, в настоящее время, во внутренней и внешней политике мы наблюдаем своеобразный ренессанс конфуцианства – учения, исключительно социального характера (Кондорский 2019а: 24).

Что касается арабских государств, то они не смогли перешагнуть этот рубеж. Именно этот факт во многом объясняет все то, что мы имеем на Ближнем Востоке, включая ренессанс уже исламизма, идеологии (в своей основе) исключительно социального характера. Разница лишь в том, что если в Китае современное конфуцианство носит больше внешний характер, то исламизм в арабских странах – исключительно внутренний, можно сказать органический.

Демография является социальным феноменом. Можно также сказать, что она находится на стыке социального и биологического, исходя из двойственной сущности человека. В арабских странах рождаемость носит естественный характер, в отличие от «цивилизованного» Запада. Поэтому, в арабских странах подобного рода фактор сыграл реально более чем существенную роль в событиях Арабской весны. «Химерный» тип сознания вчерашних крестьян, живущих в городе, даже если они имели высшее образование, порождал химерный тип их поведения. У молодежи, принимавшей

активное участие в протестных демонстрациях, сельское этническое сознание было разрушено, а городское этническое сознание еще не сформировалось.

Сюда следует добавить рецидивы архаического института «мужского союза» у молодежи, связанного с активизацией глубинных слоев социального сознания. Проблема «связывания» слишком активной молодежи и лиц, оказавшимися за пределами традиционной общины, была более чем актуальна еще со времен ранней древности (Кондорский 2022б). На каждом этапе исторического развития для этого существовали определенные социальные институты, которые в предреволюционный период начинали давать сбой.

На Западе, который уже давно находится в общественной эпохе (Кондорский 2021б), проблемы молодежи решают за счет массовой культуры, массового спорта, массовой экономики и политики. Важнейшую роль здесь играет иллюзорное пространство интернета. Создается впечатление, что интернет появился уж очень вовремя в этом плане.

Если не брать форму, а содержание, то между событиями Арабской весны (в первую очередь, на примере Египта) и Февральской революции в России можно провести достаточно много параллелей. Т. е. речь идет о сходстве базовых архетипов, лежащих в основе революций.

Во время февральских событий отсутствовали узнаваемые лидеры. Для всех – и управляющей элиты, и оппозиционных политических сил революция стала полной неожиданностью (Палеолог 1991: 422; Троцкий 1997: 158). Точно такую же картину мы наблюдаем и во время Арабской весны (Аксененок 2013: 131; Howard, Hussain 2011: 42). И там, и там у протестующих не было в начальный период цели по свержению существующего политического режима. Речь шла о выражении недовольства (Шишкина 2014: 121). В связи с этим, власти не смогли оперативно «вставить графитовые стержни», и ситуация приняла форму цепной реакции. Кстати, в Саудовской Аравии призывы молодежи к проведению реформ были купированы властями выделением 34 млрд долларов на их социальные нужды (Гасимов 2014: 153–154).

Как уже говорилось, большую роль в формировании протестной активности сыграли социальные сети в рамках виртуального пространства (Шишкина 2014: 120–121). Египетские интернет-

активисты активно распространяли сведения о тунисской революции и сыграли важнейшую роль в мобилизации молодежи на площади Тахрир (Ба Алави 2014: 24–26). Т. е. в данном случае речь шла о роли слухов, которые могут играть очень существенную роль в политических процессах. Здесь уместно вспомнить члена политбюро С. Г. Романова, которому слухи о свадьбе его дочери помешали стать первым лицом в КПСС. Будучи идейным коммунистом, Романов мог повести страну по другому пути.

По мнению В. Б. Аксенова абсурдный слух о намерении властей ограничить суточное потребление хлеба в столице стало той искрой, от которой произошел взрыв 23 февраля (Аксенов 2017). Сразу образовались огромные очереди за хлебом, в которых люди часто стояли всю ночь на жгучем морозе (Пайпс 1994: 306). Произошла концентрация недовольных женщин. Начался обмен самыми невероятными слухами и психологическая накачка людей. Хотя С. А. Нефедов на фактах показал, что в это время в Петрограде реально существовал хлебный дефицит (Нефедов 2017), сути это не меняет.

Активное участие в протестных демонстрациях в начальный период Февральской революции приняли женщины. Женская активность была характерна для Французской революции. Женщины активно вступали в политические клубы мужчин и сами организовывали уже женские клубы для занятий политической деятельностью (Королева 2002: 178). Активное участие женщин характерно и для революций Арабской весны (Карман 2022: ЭР).

Революциям обычно предшествует кризис правящего режима (Гринин 2017а: 8; Космач 2014: 393) и самой политической системы. Реформы в России С. Ю. Витте и П. А. Столыпина не смогли решить ворох накопившихся проблем. Во Франции, перед революцией, разумные попытки реформ, предпринятые А. Тюрго при поддержке Людовика XVI, вызвали противодействие не только со стороны дворянства и духовенства, но и непонимание со стороны третьего сословия. В этот период, запутавшись в своей внешней и внутренней политике, правящий режим просто не знает, что ему делать. Его действия носят судорожный характер, наступает паралич власти.

Когда мы говорим о кризисе правящего режима, кризисе власти, противоречиях внутри элиты, необходимо сделать ряд теоре-

тических уточнений. Власть – в своей основе является социальной категорией, неотъемлемым свойством социума (общины). До Нового времени каждый правитель (еще со времен древности) делил делегируемую ему власть с управляющей элитой. И только в период абсолютной монархии эта власть концентрируется в одном лице.

При переходе к общественной эпохе мы имеем несколько иную картину (Кондорский 2021б: 88–89). Если в социуме источником принятия решений является личностная воля, то в рамках общества (общественных систем) мы имеем обезличенную элиту, когда ее члены являются лишь носителями элитарных функций.

Каждая общественная система имеет свою элиту (культурную, спортивную, информационную, научную, религиозную и т. д.) (Кондорский 2021б: 88), где только она может принимать решения. Обычно наблюдается бесспорное доминирование политической и экономической общественных систем. Политическую систему следует отличать от государства как бюрократической системы, в рамках которой нет собственно элиты, а есть только исполнители. Хотя в литературе часто под элитой понимают высших чиновников (Абрамов 2009: 142). Чиновники подчиняются в своей деятельности вышестоящему начальству, а элита – объективным законам отдельных общественных систем.

Кстати, современная демократия появляется лишь в пределах общества. Термин «демократическое государство» не совсем корректен. Государство – это учреждение, основанное на бюрократической иерархии, на подчинении нижестоящих вышестоящим. Любые проявления демократии внутри этой системы могут привести только к ее разрушению. Достаточно вспомнить Россию после Февральской революции и в период перестройки.

Кризис правящего режима наблюдалась в России во время Первой мировой войны.

Во время войны высшее руководство страны проявило свою беспомощность. Для военного периода была характерна разобщенность армейского и гражданского руководства не умевших, а часто не желавших, искать компромиссы между собой. Обычным было противостояние между ставкой и Советом министров (Оськин 2014: 23). Правящая бюрократия в новых условиях стала быстро деградировать – за короткий срок от Витте и Столыпина до Штюрмера, от Поливанова до Беляева по кличке «мертвая голова»

По мнению саудовского миллиардера Аль-Валид ибн Таллала основной причиной Арабской весны стало отчуждение между управляющими и управляемыми. Элиты уже не могут управлять людьми устаревшими методами (Яшин 2011). Во многих арабских странах правящие режимы перед событиями 2011 г. потеряли способность эффективно управлять обществом и контролировать собственные территории (Зеленев 2015: 728).

Вышеуказанные теоретические положения позволяют несколько по иному взглянуть на ситуацию в арабских странах, которые реально находятся в социальной эпохе, а не общественной. Поэтому, объективно здесь не могут действовать законы общественной эпохи. Все «общественное», что мы здесь наблюдаем, носит поверхностный, а не глубинный характер. Отсюда – бесспорная популярность исламизма, как чисто социального феномена, и отторжение демократии в западной ее интерпретации. Все политическое, которое пытаются приписать исламизму, носит вторичный характер.

Западные страны в 1917 году не поняли глубинной сути происходящих в России процессов. В результате полностью потеряли свое влияние на этот регион. То же самое касается и политики США по отношению к арабским странам. Несмотря на то, что в США, в различного рода исследовательских центрах, мусульманскими странами занимаются почти 100 тыс. человек (Фитуни, Солодовников 2012: 7), довлеющий псевдодемократический тип общественного сознания не позволяет понять и осмыслить специфику цивилизационного менталитета населения и элиты в арабских странах. Как результат – ослабление влияния США в этом регионе в последние годы (Сергеева 2022: ЭР). Особенно это видно на охлаждении отношений с Саудовской Аравией (и не только).

Следует отметить, что в последнее время приоритет демократии и прав человека в западных странах превратился в своеобразный автономный феномен, на основе концепции «точки невозврата» (Кондорский 2019а: 26). Как указывалось выше, данный принцип касается явлений, оказывающих разрушительное воздействие на существующие политические или экономические системы. Подобного рода феномен уже оказывает определяющее воздействие на внутреннюю и внешнюю политику западных стран, несмотря на то, что она полностью противоречит объективным национальным интересам.

Просматривается сходство в плане, так называемой, модели революции. Модель революции – это определенные стадии и этапы, которые проходит любая революция (Шульц 2015: 158). Подобного рода проблема затрагивалась рядом известных специалистов в данной области (Парето 2011: 119; Сорокин 2005: 30, 162; Хантингтон 2004: 270; Nagorian 1974: 246). Наиболее интересный подход мы наблюдаем у К. Бринтона, выделившего 4 основных стадии: кризиса старого режима и его свержения, приход к власти «умеренных», период террора и, наконец, все это заканчивается «термидорианским» переворотом (Brinton 1965: 206). Ю. А. Красин добавляет еще «постреволюционную диктатуру» (Красин 1975), с чем мы полностью согласны.

Среди революций Нового времени можно выделить несколько «Великих» революций, к которым, по мнению автора, можно отнести (по степени влияния на исторический процесс): Французскую, Русскую, Китайскую, Американскую и Английскую. Последняя, в отличие от Французской, не оказала прямого влияния на социально-политические процессы в Европе. Английская и Американская революции гораздо в большей степени проявили себя в экономической сфере, в плане развития капиталистических отношений. Все Великие революции имеют хорошо прослеживающийся системный характер.

Что касается влияния Русской революции, то имеет смысл привести цитату из биографии В. И. Ленина известного американского биографа Роберта Пейна: «Его фантастическая воля была тем рычагом, с помощью которого он намеревался вывести Землю на новую орбиту, облюбованную и заданную исключительно им самим, и он рванул рычаг с такой силой, что до сих пор содрогаются земные недра» (Пейн 2002: 5).

Схожесть основных этапов Французской революции с Английской видна невооруженным взглядом. То же самое касается Русской революции, которая реально закончилась в конце 20-х годов (Grinin 2022: 91). В процессе развития Русской революции мы имеем и «демократический» период (точнее псевдодемократический) после Февральской революции, и «якобинский» и «термидор» с последующим установлением диктатуры.

Касаясь третьего этапа в классификации К. Бринтона, нужно говорить о «революционном терроре». По расчетам П. Генифе

прямые и косвенные потери во время Французской революции 1789–1994 гг. составили 2 млн человек (Генифе 2003: 15). В процентном отношении это выше чем в России (с учетом Гражданской войны). События 1937–38 гг. в СССР носили совершенно иной характер и преследовали иные цели. Сталин в этот период «приводил в чувство» и военную, и управляющую бюрократическую элиту. Без «репрессий» тридцатых годов победа Советского Союза в ВОВ стояла бы под большим вопросом. То же самое касается территориальных приобретений у Финляндии и присоединения к Союзу Прибалтики.

В арабских странах можно найти все перечисленные этапы в рамках РП, хотя и в редуцированном виде. Особенно, это касается Египта, который, как указывалось выше, ближе к СТГ и, тем самым, выделяется среди других арабских стран. Национальная революция 1952 г. под руководством Г. А. Насера оказала такое же влияние на арабские страны, как и Революция 1848 г. во Франции на западноевропейские страны. Приход к власти А. Садата имел элементы термидора и означал нормализацию миропорядка.

Термидор означает приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили господствующие позиции в экономике (Согрин 1998: 5). Если в США и других странах речь идет о буржуазии, то в Египте такой стратой стали военные, которые контролируют до 40 % египетской экономики (Гринин, Коротав 2014: 152).

Термидор тесно связан с другим феноменом, присутствующим в революциях – бонапартизмом (Карлейль 2008: 243; Маркс 1957: 196-197; Токвиль де 2008: 242). Бонапартизм, как объективное явление в истории, следует отличать от его имитации, часто в карикатурной форме. В частности, деятельность Наполеона III сыграла прогрессивную роль в истории Франции (Черкасов 2012).

Наличие сильной власти (Карлейль 2008: 243) еще не означает появления бонапартизма. Сталин боялся любых проявлений данного феномена у военных и действовал на упреждение самыми жесткими мерами. Бонапартизм был характерен для Троцкого и, особенно, для Керенского, который любил принимать наполеоновские позы (Пайпс 1994: 331). Мао Дзэдун старался держать своих маршалов «в узде», хотя в Китае армия в свое время играла суще-

ственную роль в политической жизни. Опала Линь Бяо как раз связана с этим.

Здесь нужно различать вождизм и бонапартизм. Например, Гитлер был типичным вождем, а Муссолини типичным «бонапартом» первой половины XX в. В древнем Риме император являлся олицетворением римского народа, со всеми вытекающими по отношению к нему последствиями. Нечто похожее имело место в XX в., когда вождь воспринимался уже в качестве олицетворения нации. Поэтому, любые отрицательные действия против личности вождя (включая критику) рассматривались в качестве дискредитации нации-государства (Кондорский 2018: 93).

Бонапартизм имеет внутреннюю сторону – конструктивную и внешнюю – показушную. Просматривается определенная закономерность, когда «бонапарты» обычно начинают «за здравие», а заканчивают «за упокой», при доминировании внешней стороны данного феномена. Причем часто – в буквальном смысле этого слова. Достаточно вспомнит того же Муссолини, который в начале своей деятельности установил в Италии конструктивный порядок. Не избежал этого и Наполеон III. На Ближнем Востоке достаточно вспомнить М. Каддафи и С. Хусейна

Считается, что Наполеон Бонапарт проводил свою политику в интересах крупной буржуазии, а Луи Наполеон – обуржуазившегося (консервативного) крестьянства (Маркс 1957: 207). Г. А. Насер не действовал в интересах египетской буржуазии, весьма слабой в 50–60-е годы. Ас-Сиси вынужден будет это делать. Буржуазия в Египте уже имеет гораздо больший экономический потенциал и влияние, со сформировавшимся классовым сознанием. Определенные бонапартистские замашки уже сейчас характерны для наследного саудовского принца М. бен Салмана. То же самое относится к эмиру Катара.

Следует обратить внимание, что в Западной Европе буржуазия, по существу, утратила классовое сознание. Имеет место разрыв между объективными интересами экономического класса и иллюзорными политического класса, который в перспективе может превратиться в «пропасть».

В литературе иногда употребляется выражение «бонапартик» в уничижительном значении. На Украине для нынешнего президента В. Зеленского больше бы подошло бы слово «бонапартенок». Че-

ловек в нынешней ситуации ведет себя как ребенок, которому мало дают «игрушек».

Кстати, просматривается более чем заметная схожесть между спецификой и последовательностью событий весны 2011 г. в Египте и Февральской революцией в России. Как и в России, в Египте при режиме Мубарака партии не были допущены к механизму принятия государственных решений (Аксененок 2013: 130). Начало революции в обоих случаях явилось полной неожиданностью как для внутренних, так и внешних политических сил. В Египте власть перешла к Высшему военному совету, в России к Государственной Думе и Временному правительству, которые носили переходной характер. В отношении высших государственных чиновников началось расследования их деятельности. В конечном итоге, к власти пришли радикально настроенные оппозиционные силы.

Схожесть и различия Арабской весны с «цветными революциями»

Среди экспертов (и политологов, и историков) весьма актуальным является вопрос – насколько события 2011 г. подходят под критерии «цветных революций». Ряд авторов рассматривает события Арабской весны в качестве «цветных революций» при активном участии западных стран, в первую очередь США, на основе технологий «управляемого хаоса» (Воронин 2015: 15; Колобов и др. 2011: 283; Манойло 2013: 31–32). Мы считаем, что несмотря на внешнюю схожесть с «цветными революциями», данные события имели революционный характер, в соответствии с основными положениями теории РП (о чем речь шла выше).

Как уже говорилось, и во время февральских событий в России, и во время протестных демонстраций Арабской весны отсутствовали узнаваемые и авторитетные лидеры. В то же время, на Украине уже в мае 2004 год все уже знали лидера оппозиции в лице В. Ющенко. В этот период во всех крупных городах появились оранжевые палатки, в которых за Ющенко агитировала молодежь (в основном студенты), сопровождая это раздачей апельсинов. Понятно, что уже тогда кто-то серьезно финансировал эти мероприятия. Естественно, что не Ющенко из «своего кармана»

Предпринимались попытки сравнить события в Египте и Украины с позиций концепции «цветных революций» (Манойло 2014б).

А. Манойло рассматривает «цветные революции как технологии организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которой давление на власть осуществляется в форме политического шантажа (Манойло 2014б: 25) Автор предпринимает попытку сравнить поведение Х. Мубарака и В. Януковича, в плане усталости общества от власти (режима) обоих президентов. Следует отметить, что А. Манойло предсказал возможность начала гражданской войны на Украине всех против всех, геноцида, террора, вероятности иностранной интервенции (Манойло 2014б: 26), что говорит о его хорошей интуиции.

Однако, мы считаем, что вероятность гражданской войны в Египте крайне мала. Что касается Януковича и Мубарака, то первый испытывал внешнее давление, а второй со стороны своей же элиты. Также, как и в свое время Николая II, Мубарака предали свои. Что касается усталости, то речь должна идти о предшественнике Януковича – В. Ющенко, рейтинг которого за время его президентства снизился более чем на порядок.

Попытка сравнения Украины и Египта в плане закономерностей цветных революций была предпринята со стороны Э. Э. Шульца (Шульц 2014б). По его мнению, события в Египте типологически принадлежат к «цветным революциям», которые произошли в других странах Ближнего Востока и Северной Африки. Украинский, тунисский и египетский сценарии практически идентичны (Шульц 2014б: 52). Автор обращает внимание на негативное восприятие «оранжевой революции» и событий на площади Тахрир через два года населением и заключение в тюрьму М. Мурси и Ю. Тимошенко (Шульц 2014б: 53–54), хотя последнее сравнение носит не совсем корректный характер.

Имело место проявление нерешительности власти и раскол в ее рядах (Колобов, Шульц 2014: 42). Определяющую роль играл внешний фактор, когда революции перешли в фазу гражданской войны (Колобов, Шульц 2014: 42). По нашему мнению, и в Сирии и в Ливии внешний фактор играет весьма значительную роль, но не определяющую. С учетом Йемена, можно говорить об Арабской гражданской войне. На Украине мы имеем обратную картину, в плане влияния западных стран. Особенно в настоящий период. Следует напомнить, что во время гражданской войны в России внешний фактор не имел определяющего значения.

Бунт обладает большой долей стихийности, его нельзя полностью контролировать во время революций (Колобов, Шульц 2014: 42). События на площади Тахрир, также, как и в Тунисе, никем не контролировался и не направлялся как со стороны внутренних политических сил, так и со стороны внешних. То же самое касается начального периода Февральской революции. В период Младотурецкой революции мы имеем мятеж военных, к которому не имела отношения ни одна из политических сил.

Совершенно иная картина наблюдалась на Украине. «Бунт» молодежи во время обеих «майданов» контролировался и направлялся внутренними и внешними силами, причем, в довольно жесткой и продуманно организованной форме. В протестных акциях участвовала, в первую очередь, молодежь которой руководили лица, прошедшие подготовку на тренингах, проводимых и финансируемых из-за рубежа НПО (Меркулов, Елисеев 2016: 43). Здесь мы имеем экспорт «цветных революций». В то же время, экспорт собственно революций не приводил к положительным результатам (Grinin 2022: 75–76). Достаточно вспомнить, чем закончилась попытка экспорта революции в Польшу в 1920 году.

К. П. Курылев обратил внимание, что во время классических цветных революций использовались визуальные атрибуты, призванные выделить протестующих на фоне других и стать символом протеста. Однако ничего подобного на Ближнем Востоке и Северной Африке не наблюдалось (Курылев 2014: 26).

По Ленину «переход государственной власти из рук одного в руки другого класса – есть первый, главный, основной признак революции...» (Ленин 1975: 133). Во время цветных революций революционной была только форма, но не содержание. Речь шла о государственном перевороте, в котором массы выступали в качестве инструмента (Курылев 2014: 28). Арабская весна усилила позиции промышленной буржуазии (в отличие от бюрократической), активизировала элементы ее классового сознания.

В отличие от собственно революций, исторически естественных, «цветные революции» носят технологический (искусственный) характер, успешно маскируемый их организаторами под стихийные процессы как проявление воли народа (Наумов 2016: 48). Во всех цветных революциях обнаруживается один и тот же принцип действия (Комлева 2013; Манойло 2014а: 181), один и тот же

архетип. И это все при активном участии международных НПО и давлении со стороны Запада (Меркулов и др. 2016: 31; Pan Ru-long, Dai Zhang-quin 2005).

По поводу природы «цветных революций» имеет место довольно широкий спектр мнений. Обращают внимание на конфликт и конкуренцию отдельных групп политических элит (Гельман 2007: 14–18; Herd 2005; Way 2005). Одни специалисты отвергают собственно революционную составляющую, считая, что происходит только смена режимов (Прокофьев 2011: 26; Way 2008). Другие находят здесь ряд существенных признаков, характерных для классических революций, базируясь на парадигме транзитологии (McFaul 2005; Fairbancs 2007). Также, как и в случае с событиями Арабской весны, многие западные специалисты рассматривают «цветные революции» исходя из специфики общественного устройства их стран и соответствующего сознания (менталитета) (Арель 2005; Hale 2006; Shulman 2005).

Сравнивая «цветные революции» с собственно революциями в рамках РП следует подчеркнуть сходство только формы, но не содержания. Для внешней протестной активности в обоих случаях можно использовать арабский термин «фитна», упоминаемый в Коране. В понятие «фитна» вкладывается широкий спектр значений – от политических волнений, состояния гражданской войны или противостояния секуляризованной власти с религиозным меньшинством (Wansbrough 1978: 139).

Фитна достаточно часто имела место в истории арабских стран (Исаев, Шишкина 2014: 22). На протяжении пятнадцати веков фитна была распространенной формой политического протеста в арабском мире. Богословы обычно отрицательно относились к этому явлению на том основании, что фитна осуждается Кораном. Значение слова «фитна» в арабском языке: очарование, соблазн. В Коране – неверие, скверна, смута (Зеленев 2015: 728–729).

Нас здесь интересует значение фитны как соблазна. Соблазна участвовать в протестных выступлениях ради протеста. У определенной категории людей к этому есть внутренняя склонность, часто даже потребность. Автору приходилось сталкиваться с подобного рода «товарищами», вне зависимости от образования, характера работы и положения в обществе. Здесь можно говорить не о

внешней, а о внутренней маргинальности на уровне этнического сознания, часто имеющей исторические корни.

Небольшая ремарка. Этническое сознание может быть не только сельским, но и городским. Например, для участников штурма Бастилии была характерна активизация городского этнического сознания. То же самое касается февральских событий в Петербурге. Оба протеста можно рассматривать как фитну, но только в плане «оболочки», а не содержания революций. Что касается «цветных революциях», то здесь фитна является важнейшим компонентом основы подобного рода явлений. Имеет место использование стихийного недовольства в политических целях (Зеленев 2015: 729).

В заключение, следует обратить внимание, что «цветные революции» характерны для окончания РП (особенно это касается постсоветского пространства) и имеют форму своеобразной «революционной отрыжки». Но их нельзя относить к революциям в классическом понимании.

Революционный период в Египте

Особое положение в рамках РП в арабских странах занимает Египет. Анализ показывает, что эта страна ближе к СТГ. В отличие от остальных арабских стран, еще в первой половине XIX века в Египте Мухаммедом Али были предприняты попытка реформ во всех сферах – армии, просвещении, промышленности, сельском хозяйстве (Зеленев 2007). Начало РП здесь можно связать с вооруженным восстанием народа в 1919 г. Однако, в Египте не нашлось политической силы, которая смогла бы возглавить революцию, придать организованный и целенаправленный характер разрозненным и стихийным выступлениям (Кошелев 1984: 62–63).

Также, как и в других СТГ, основным лейтмотивом РП в Египте был национализм, связанный с ролью офицерства, как наиболее активной и организованной части интеллигенции. Подобного рода национально-освободительные революции имели место и в ряде других арабских стран, движущей силой которых (по примеру Египта) были общества «свободных офицеров» (Ланда 2012: 52). После революции 1952 г. около 500 офицеров составили основу новой администрации (Ланда 2014: 54). Концепция этатизма нашла свое выражение в национализации собственности крупной буржуазии правительством Насера в 1960–1963 гг.

Следует отметить, что между исламизмом и национализмом просматривается не существенная грань. В 50–60-е годы просто шла борьба за власть. С. И. Бестужева относит братьев-мусульман к националистическому движению (Бестужева 1993: 67). Концепция панарабизма ненамного отличается от идеи Халифата. Арабский национализм носит исламский характер. Выступая в поддержку интеграции арабов в суверенное государство, в свое время панарабисты рассматривали ее как этап к исламизированному обществу (Кривец 1993: 196).

Просто период доминирования национализма в 70-80-е годы сменился периодом доминирования исламизма. Например, в Алжире Ш. Бенджадид, в отличие от своего предшественника националиста Х. Бумедьена, стал ориентироваться на исламские ценности (Куприн 2011: 14). Уместно вспомнить эволюцию М. Каддафи от классического арабского националиста до бедуина в традиционном одеянии (Звягельская 2015: 110).

К началу Второй мировой войны Братья-мусульмане превратились в массовую политическую организацию, отличающуюся фанатичностью, сплоченностью и дисциплинированностью членов. В 1940 г. ими была создана тайная военная организация, призванная проводить террористические акты против своих противников (Аксененок 2013: 134). Получается, что в этот период для Братьев-мусульман были характерны особенности, присущие в свое время НСДАП в Германии. В частности, под эгидой братьев-мусульман в 30-е годы существовали скаутские организации, занимавшиеся физической и боевой подготовкой с целью создания своеобразных охранных отрядов (Фахрутдинова 2013: 28).

Казнь С. Кутба – теоретика исламизма в Египте в 1966 г. превратила трещину между насеризмом и братьями-мусульманами в раскол (Воронин 2009: 86). Обращает на себя внимание живучесть данной исламистской организации, которая воспользовалась внутриэлитным конфликтом между военными (старой гвардией) и экономической элитой (молодой гвардией) во главе с Гамалем Мубарак (Гринин, Коротаев 2014: 152–153; Коротаев, Исаев 2014: 91). Победить на выборах во многом помогли краткие лозунги: «Ислам – вот решение», «Коран – наша конституция», «Свобода – вот наша цель» (Васильев, Петров 2012: 68). В обоих случаях просматривается сходство с большевиками.

Как отмечали международные наблюдатели, выборы носили честный, открытый характер. Перед победившими на парламентских выборах Братьями-мусульманами в лице ППС в долгосрочном плане была поставлена задача повысить уровень инвестиций, вести борьбу с коррупцией. Планировалось создание предприятий с большим количеством рабочих мест, введение более справедливого налогообложения, создание фонда страхования по безработице (Васильев 2012а: 4–5).

Однако реальность оказалась несколько иной. После событий Арабской весны, исламисты не смогли долго продержаться у власти, дискредитировав себя во всех сферах. Произошло ухудшение экономического положения. Надежды на иностранные инвестиции не оправдались. Возврат к руководству страны военных говорит о том, что армия по-прежнему является органической частью государства. Ни один житель Египта не может представить себе государство без армии (Васильев, Винницкий 2014: 42).

Здесь нужно обратить внимание на тот, что демократические выборы, в таких странах как Египет, какими честными не были, часто приводят к власти не совсем демократические политические силы и, как правило, не способствуют решению насущных социально-экономических проблем. В успехе Братьев-мусульман решающую роль сыграла «диванная партия», включающая граждан не имевших четких политических убеждений (Фахиме 2014: 114). Аналогичная ситуация в свое время имела место в Алжире. Уместно здесь вспомнить и Украину с ее многочисленными выборами, которые только ухудшали социально-экономическое положение страны.

Соотношение демократии и экономики носит неоднозначный характер (Grinin, Korotayev 2022: 108). В СТГ и, тем более, арабских государствах, демократия не является залогом успешного экономического развития. В основных СТГ – России, Китае, Турции, Иране мы имеем реально авторитарные режимы, деятельность которых способствует их успешному развитию. Обратная картина наблюдается на Украине, где демократия ради демократии привела к полной деградации промышленного потенциала, оставшегося в наследство от Советского Союза.

Пятый президент Египта Мухаммед Мурси оказался политически несостоятельным, расставив на всех постах радикалов, распра-

вился со сторонниками демократии жестче, чем его предшественники. Уровень коррупции стал еще выше (Ланда 2014: 59). После избрания Мурси президентом его политика противопоставила одну часть общества другому (Гринин 2020: 812). Президент сосредоточил в своих руках все ветви власти (Васильев, Винницкий 2014: 50).

С момента прихода к власти, в результате государственного переворота, генерала А. Ф. ас-Сиси в 2014 г. десятки тысяч заключенных находятся под следствием или арестованы. Под лозунгом «борьбы с терроризмом» подавляется оппозиция в лице Братьев-мусульман, а также других политических сил, которые могут угрожать режиму (Ибрагимов 2019: ЭР). По существу, все то, что было характерно для режима Мубарака (Орлова, Седова 2016: 206). Все это показывает, что главное не то, какая политическая сила находится у власти. Главным здесь является базовый архетип (со своими объективными закономерностями), специфика которого зависит от того или иного этапа исторического развития.

Исламский фундаментализм на Ближнем Востоке

Ни одна публикация, ни один аналитический обзор по социально-политической ситуации на Ближнем Востоке в последние десятилетия не обходится без упоминания «исламского фундаментализма», «исламского радикализма». Для западных (и не только) научных специалистов и политологов это превратилось в нечто обыденное, само собой разумеющееся.

Однако, на самом деле все не так просто. Использование данных категорий следует рассматривать как «взгляд со стороны», с позиций общественного сознания и менталитета, кардинально отличающегося от такового в арабских странах. Даже, например, турецкий политолог с его базисным сознанием СТГ, не всегда может понять глубинную суть арабской ментальности.

Для понимания сути исламских процессов на Ближнем Востоке, нужен системный подход, учитывающий всю многогранность данного феномена. Линейный подход не применим к осмыслению деятельности и идеологии многочисленных исламских организаций и движений – начиная с «Братьев-мусульман» и заканчивая ИГИЛ. Каждая организация характеризуется целой гаммой различных аспектов – религиозных, социальных, политических, традиционных, геополитических, военно-террористических. Каждый аспект может

иметь свою специфику и по-разному себя проявлять себя в рамках тех или иных исламистских организаций.

Для всех направлений исламизма характерен определенный базовый архетип, основанный на основных положениях Корана и Сунны, путем введения шариата, как основы законодательства. Здесь сразу надо обратить внимание, что закон, в юридическом понимании, есть порождение и основа современного государства. В то же время шариат является чисто социальным феноменом, сводом морально-этических правил и предписаний, который должен регулировать отношения между членами мусульманской общины как аналога гражданского общества в современном понимании.

Подобного рода ситуацию мы наблюдаем в Иране. Аналогичный подход характерен для умеренных исламистов в лице «Братьев-мусульман», проповедующих принципы исламской справедливости на основе законов шариата (Долгов 2016: 2).

Практически все основные направления исламизма придерживаются доктрины «халифата». Согласно создателю и идеологу египетской организации «Братья-мусульмане» Сейиду Сайид Кутбу (1906–1966) весь мир (включая мусульманский) пребывает в состоянии джахилийя (невежества, язычества). Истинные мусульмане должны атаковать языческий мир в форме джихада. Алжирские исламисты считают, что исламское государство лишь этап на пути создания всемирного мусульманского Халифата (Долгов 2016: 3–4).

Характерна попытка ИГИЛ создания Халифата в современный период, несмотря на то, что их программные документы противоречат Корану и принципам Шариата (Сюкияйнен 2016). В ИГИЛ считают недопустимым любое сотрудничество с теми, кто не приемлет Халифат как единственную форму устройства исламского государства. В то же время Аль-Каида считает, что создание всемирного халифата – это дальняя перспектива (Щегловин 2016: 53).

Исламисты осуждают современную политическую конструкцию государства–нации как репрессивного образования тоталитарного типа. Ислам несовместим с современным государством, ибо воля Бога воплощена в общине (Гюлальп 1999: 124).

Умеренные исламисты не чужаются политической деятельности и участия в демократических выборах, где они имели успех после Арабской весны во многих странах. Достаточно вспомнить оглу-

шительную победу «Братьев-мусульман» в Египте на выборах 2001 г. Исламский фронт спасения в Алжире в свое время выступал за создание исламского государства на основе свободных демократических выборов (Долгов 2016: 3).

Преследуя политические цели, умеренные исламисты особое внимание уделяют практической работе с населением в социально-культурной сфере. (Попс 1999: 139). Братья-мусульмане активно занимаются воспитанием молодежи в мусульманских ценностях в противовес западным, а также благотворительностью, медицинской помощью, мусульманским просвещением. Особенно эта помощь эффективна в деревне (Бадаун, Куделин 2017: 54).

Следует отметить, что несмотря на очередной запрет их деятельности в Египте организация имеет значительную материальную базу и наличие международной сети отделений и центров в более чем 30 странах. Так же достоин внимания тот факт, что в состав ассоциации Братьев-мусульман входят представители всех основных общественных групп и слоев Египта (Филин 2012: 41). Братья по-прежнему считают своей стратегической целью объединение всех мусульман и создание исламского Халифата (Фахиме 2014: 114).

В. Н. Пластун вообще считает, что ислам – это политика и только политика. Все остальное вторично. Политизированный ислам включает в себя и религию, и экономику, и традиционный уклад. Ислам замкнулся на политике, политика вобрала в себя ислам (Пластун 2005: 138).

Получается, что собственно ислам и фундаментализм находятся как бы в разных плоскостях. Собственно, фундаментализм связан с требованиями возврата к первородному чистому исламу времен первоначальной общины Мухаммеда, когда полностью отсутствовало политическое в современном понимании. Данное явление следует рассматривать как ответную реакцию на процессы модернизации арабского общества по западным лекалам, с целью сохранения мусульманской идентичности (Саватеев 2017: 18). Фундаментализм предпочитает проповедничество политической деятельности (Куприн 2011: 6).

Наибольшим традиционализмом отличаются салафиты. Салафизм в своем коренном понимании означает благочестивый образ жизни и поведения по примеру праведных предков из общины,

возглавляемой Мухаммедом. Традиционалисты-салафиты отвергают участие в политике, партийную активность (Зинин 2019: 4; Куприн 2011: 6). В своей работе с населением салафиты делают ставку на религиозный аспект, в отличие от «братьев», которые больше преследуют цели социального характера.

Салафиты категорически отвергают культ святых, различных авторитетов и реликвий (Бобохонов 2017: 155–156; Саватеев 2017: 23). Салафитские отряды ведут вооруженную борьбу против суфийских братств в Ливии, которые поклоняются местным святым (Зинин 2019: 5). В африканских странах южнее Сахары салафиты активно обращают в свою веру местных суфиев (Бобохонов 2017: 171). По существу, фундаментализм противостоит не только модернизму, но и традиционализму (народным обычаям) (Добаев 2003: 28).

Салафизм в форме ваххабизма является государственной религией в Саудовской Аравии. Авторитет Муххамеда Абд аль-Ваххаба был чрезвычайно высок из-за простоты понимания его идей и воззрений. Однако, несмотря на то, что ваххабизм сыграл решающую роль в становлении Саудовской Аравии, в настоящее время ортодоксальные салафиты считают саудовскую династию узурпаторами и грешниками. Для настоящих ваххабитов саудовский режим потерял свою легитимность (Эль Мюрид 2016: 41, 67).

Гораздо меньше известны суфийские братства – тарикаты, которые публично не афишируют свою деятельность, но имеют влияние от Тропической Африки до Средней Азии и Сингапура. Обращает на себя внимание наличие их центров во многих западноевропейских странах и в США. Их внутренняя жизнь – глубокая тайна. Несмотря на то, что публично братства критикуют исламизм, в последнее время здесь также наметились тенденции к радикализации (Ланда 2012: 57). По многим параметрам тарикаты похожи на масонские ложи.

Особое положение занимают космополитические организации радикальных исламистов, основу боевых отрядов которых составляют лица самого различного происхождения и гражданства. Организация Братья-мусульмане носит международный характер. Но, в той же Иордании и Палестинской автономии, они стараются участвовать в политической жизни. Аль-Каида со своим филиалом

в Сирии в лице «Джебхат ан-Нусры (Крылов 2017) и ИГИЛ делают ставку исключительно на силовую захват власти. Опять же, в отличие от Братьев-мусульман, которые на словах выступают против терроризма (Васильев 2011: 5).

Аль-Каида (как и все исламисты) на словах выступает за социальную справедливость, искоренение бедности и безработицы. Естественно, на основе ислама. В то же время. Аль-Каида, в отличие от Братьев-мусульман, никогда не делала ставку на разработку социально-экономических программ. Основное направление их деятельности связано с вооруженной борьбой против политических режимов в ряде мусульманских стран

Особо следует остановиться на ИГИЛ. Исламское государство объединяло в основном иностранных бойцов. Более 70 % его военнизированных формирований составляли наемники (Желтов, Желтов 2016: 25). В период своего становления ИГИЛ предложил суннитским племенам свою защиту (Эль Мюрид 2016: 155). Просматривается определенная аналогия с древним Римом, когда Ромул, возглавлявший банду изгоев самого различного происхождения, предложил общинам скотоводов римских холмов свое покровительство и защиту.

Не смотря на внешний разгром ИГИЛ, глубинный базис остался, также, как и отношение к этой организации в арабских странах (в первую очередь среди молодежи). В октябре 2014 г. в столице Иордании прошли массовые демонстрации с выражением поддержки ИГИЛ (Яковлев 2016: 126). Подавление ИГИЛ Россией и США было воспринято значительной частью арабского населения как «своеобразная пощечина».

Руководители ИГИЛ, в процессе своей деятельности, проявили серьезные организаторские способности. Активно занимались идеологической индоктринацией молодежи, создавая военно-тренировочные лагеря для подростков (Кузнецов 2017). В настоящее время ИГИЛ по-прежнему пытается проявлять себя в различного терактах и, даже, вербовки в Турции выходцев и стран Центральной Азии (Серенко 2020). Это же касается и Джебхат ан-Нусры, создавшей самую эффективную, из всех оппозиционных, военизированную структуру в Сирии (Крылов 2017: 660).

Геополитическая ситуация на Большом Ближнем Востоке

В свое время автор сформулировал концепцию «точки невозврата». Если появляется какое-либо явление, угрожающее безопасности политической (экономической) системы и на него не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь. Появляется система, которая уже развивается по своим внутренним законам и главное – имеет значительный регенерационный потенциал. Если вначале данную проблему можно решить «малой кровью», то после перехода – уже «большой кровью». Однако имеет место еще вторая «точка невозврата» после которой появившуюся угрозу нельзя устранить даже «большой кровью». Обычно, это заканчивается разрушением существующей системы (Кондорский 2019а: 26).

В настоящее время радикальный исламизм превратился в автономный феномен, процесс развития которого уже приблизилось ко второй «точке невозврата» и в последние двадцать лет стал заметным субъектом в рамках геополитического пространства Большого Ближнего Востока. Не смотря на разгром ИГИЛ и уход в подполье в Египте Братьев-мусульман, по-нашему мнению они сохранили регенерационный потенциал в соответствии с вышеуказанной концепцией и, в перспективе, снова смогут стать субъектами геополитического пространства на Ближнем Востоке. Особенно, в случае очередного серьезного кризиса в этом регионе.

После Тридцатилетней войны и Вестфальского мирного договора, в Европе оформилась система политического равновесия, направленная против предотвращения появления страны-гегемона. Данная система действовала до распада Советского Союза. Подобного рода образование на ББВ сначала было направлено, в основном, против Израиля. Арабские страны молча воспринимали лидерство Египта в лице Гамала Насера. С подключением Ирана и Турции, сформировалась сложная конструкция, которая, тем не менее, пока предотвращает крупные конфликты между субъектами этого пространства.

Определенным исключением стали события в Ливии в 2011 г. Мы считаем, что основной причиной устранения Каддафи были его регулярные попытки добиться определенной гегемонии среди

арабских государств, с его идеей создания наднационального политического объединения, начиная с 70-х годов. Все это сопровождалось попытками вмешательства во внутренние дела арабских государств (Товмасын 1980: 170). Еще при жизни Насера, Каддафи стал настойчиво продвигать идею создания Федерации Арабских Республик (Мельникова 2020: 29-30). Определенную роль сыграло заявление Каддафи, что он будет ориентироваться на Россию, Китай, Индию (Ланда 2014: 62).

В последнее десятилетие четко обозначилось стремление Саудовской Аравии стать бесспорным лидером в арабском мире, в первую очередь, в лице наследного принца Мухаммеда бен-Салмана. С другой стороны, мы имеем Катар, недавно начавшийся выдвигаться на первые позиции за счет использования информационного оружия («Аль-Джазира») и льготных займов и грантов. Получателями грантов стали правительства Египта, Туниса, Судана, Ливии. Определенный интерес Катар проявляет к Палестине (Аватков, Тюкаева 2014: 118). Конкуренция за лидерство привела к обострению отношений между Дохой и Эр-Риядом в марте 2014 г. (Косач 2015: 51).

Автором было показано, что китайская программа «Экономического пояса Шелкового пути» есть следствие наличия в этой стране избыточного продукта (Кондорский 2019а: 26). Очень часто понятие «избыточного продукта» используют в качестве синонима «прибавочного продукта». По Марксу прибавочный продукт является чисто экономической категорией и должен использоваться для расширенного производства. В период ранней древности те же огромные дворцы, пирамиды (в Египте и Мезоамерике) и другие сооружения (вследствие отсутствия классической экономики) являлись формой утилизации избыточного продукта как основы существования тогдашних цивилизаций (Кондорский 2019а: 23).

В соответствии с данной концепцией, небольшие размеры Катара не позволяют использовать на месте большую часть огромных доходов от продажи газа и нефти. Поэтому, руководство страны может спокойно «купить» лояльность со стороны большинства арабских (и не только) государств.

Что касается Саудовской Аравии. Руководство королевства сейчас особое внимание уделяет программе модернизации страны «Видение Королевства Саудовская Аравия:2030», принятой по

инициативе Мухаммеда бен-Сальмана в 2016 г. Программа предусматривает уменьшение нефтезависимости страны, диверсификации экономики и развития государственного здравоохранения, образования, инфраструктуры, рекреационной сферы, туризма (Косач 2017). Что, естественно, потребует огромных затрат.

Саудовская Аравия сейчас находится в дружеских отношениях с руководством Египта. В 2013 г. саудиты оказали всемерную поддержку пришедшему к власти режиму военных во главе с ас-Сиси и сразу же предоставили (вместе с другими странами Персидского залива) кредит в размере 12 млрд. долларов (Коротаяев, Исаев 2014: 97). Эр-Рияд всеми способами старается не допустить возвышения Египта и его влияния в арабском мире, как это было в прошлом.

Саудовская Аравия с большим опасением относится к Братьям-мусульманам. Во-первых, из-за того, что их поддерживает Катар. А во-вторых, Эр-Рияд считает, что «братья» следуют в фарватере иранской региональной политики (Косач 2015:51). Для саудитов Братья-мусульмане практически то, что для Сталина были троцкисты (Коротаяев 2014: 94).

В последние десятилетия заметную активность на Ближнем Востоке стала проявлять Турция, которая становится здесь серьезным конкурентом для Саудовской Аравии. Это и вмешательство во внутренние дела Сирии, и поставки вооружения Центральному правительству в Триполи. Анкара активно взаимодействует с руководством Туниса (Аватков, Тюкаева 2014:111). Турция объявила себя центром Евразии (в плане региональной безопасности), опекуном и «старшим братом» для тюркских государств (Мехдиев 2016: 33). Эрдоган даже пытается позиционировать себя в качестве защитника всех мусульман (Аватков 2021: 83), что, конечно, не может вызывать восторга у руководства Саудовской Аравии.

Но дело в том, что в Турции совершенно отсутствует избыточный продукт. Великодержавные амбиции Эрдогана не подкреплены соответствующими материальными ресурсами. Избыточная внешнеполитическая активность в Закавказье, Центральной Азии и на Ближнем Востоке может просто подорвать экономику страны. Кстати, в этом плане, Турция никак не может обойтись без России.

Наконец, не надо забывать про Иран. Уже более десяти лет назад Иран вошел в первую двадцатку стран по паритету покупательной способности. И это в условиях жестких санкций. Академик

А. М. Васильев называет Иран «шиитской сверхдержавой» (Васильев 2012б: 3). Достижения в области создания беспилотных аппаратов и баллистических ракет (и не только) говорят о достаточно высоком технологическом уровне развития страны. В отличие от Турции, Иран проводит более осторожную и прагматическую внешнюю политику. В целом, мы считаем, что «шиитская сверхдержава» имеет весьма высокий потенциал как в экономике, так и в политике. Просматривается определенная аналогия с Китаем в плане влияния цивилизационного прошлого, имеющего глубокие корни.

В заключение следует отметить, что несмотря на активное участие в жизни Ближнего Востока в последнее время России и Китая, помимо США и Евросоюза (Гринин, Коротаев 2019: 32), здесь наметились тенденции к образованию своего геополитического пространства, имеющего, в перспективе, достаточно развитую структуру. Это означает определенный уход от заметного влияния внешних акторов и приоритет собственных национальных интересов. Т. е. здесь речь идет о появлении национального сознания вследствие революционных процессов.

Роль племенного фактора

Исламский фундаментализм обычно воспринимают как процесс архаизации. Под архаизацией, в данном случае, можно понимать воскрешение традиционных практик, образов, элементов культуры прошлого, которое не означает возвращение к древности, а носит манипулятивный характер. Архаизация воспринимается западным сознанием как своеобразный фильм ужасов, театр абсурда. На самом деле является эффективным средством мобилизации и консолидации общества в условиях неопределенности (Звягельская 2015: 105).

Во всех современных исламистских концепциях на первом плане стоит община как совокупность самостоятельных (в идеале) личностей. Своеобразное общество равных индивидуумов, как это имело место в первоначальной общине, возглавляемой Мухаммедом. Однако, как уже говорилось выше, феодальная революция затронула население городов. В сельской местности кланово-племенной тип сознания, характеризуемый многочисленными языческими рецидивами, остался без изменений, вплоть до нашего

времени. Исламизм следует рассматривать как порождение городской цивилизации.

Исламизм в заметных масштабах начал проявлять себя в 60–70-е годы и совпал с массовым притоком населения из деревни в город. Имея базовое племенное сознание, бывшие крестьяне оказались в совершенно незнакомой и чужой среде, к которой невозможно было полностью приспособиться даже в течение первых поколений. Подобного рода дисбаланс, когнитивный диссонанс и стал основной, базовой причиной появления радикального исламизма.

До конца XX в. все политические события затрагивали исключительно город. Кланово-племенные образования были в основном замкнуты в себе и представляли в рамках государства своеобразный «черный ящик». Исключение составляла Ливия, где порядка 90 % ее граждан так или иначе относят себя какому-то клану и племени, которых насчитывается около 2000. При этом, более 80 % ливийцев проживают в городской среде (Аганин 2020: 7).

Структура ливийского общества в достаточной степени представлена конгломератом племен и кланов (Долгов 2017: 79). Вплоть до получения Ливией в 1951 г. независимости, племена выступали как автономные политические, военные и экономические единицы. Каддафи пытался поддерживать определенный баланс интересов между основными племенными объединениями, считая, что преданность своему племени подрывает национальные чувства, ослабляет преданность своей нации и идет ей во вред. Тем не менее, влияние кланов удалось лишь ослабить, но не искоренить (Борисов 2007: ЭР). Попытки Каддафи создать ливийскую нацию на базе исламского социализма оказались полной иллюзией.

Каддафи демонстрировал уважение к племенным обычаям. Старался не вмешиваться во внутренние дела, оставляя их на откуп вождям и старейшинам. Однако, межплеменные и, особенно, межрегиональные противоречия, в конечном итоге, вылезли наружу во время антикаддафистского восстания в середине 2011 года. Хотя большинство вождей племен демонстративно высказывали свою поддержку Каддафи, прагматизм и групповые интересы возобладали над бедуинским кодексом чести (Зинин 2013: 39–40). Исторически сложившаяся сегментация имеет очень глубокие корни.

Аналогичную ситуацию мы имеем в Йемене. Здесь племена на протяжении всей истории страны принимали активное участие в политической жизни и государственном строительстве и, в настоящее время, имеют своих представителей во всех основных органах государственной власти. Тем самым, играют существенную роль в принятии политических решений (Ба Алави 2014а: 130).

Также как и в Ливии, именно снижение поддержки со стороны племен президента Али Абдаллы Салеха явилось причиной его ухода со своего поста в 2011 г. (Ба Алави 2014а: 131). Внешне просматривается конфессиональная подоплека нынешней гражданской войны в Йемене, связанной с активизацией здесь шиитов-зейдитов, в первую очередь, в лице племенного объединения хоуситов, которое составляет 10% населения страны. Однако, базовые причины нынешнего кризиса не в религиозной, а в кланово-племенной сфере, сопровождающегося саудовской интервенцией, преследующей геополитические цели (Кузнецов 2019: 20, 24).

В Сирии баасистское руководство пыталось ограничить самостоятельность племен, пользуясь при этом как репрессивными средствами, так и интеграцией племенных структур в социально-экономическую жизнь страны. При этом, делался упор на ослабление власти и авторитета племенной аристократии, выдвижение новых управленцев из числа молодых активистов. Однако, подобного рода политика отозвалась бумерангом во время начавшейся гражданской войны, когда руководство племен поддержало, в той или иной степени, вооруженные группировки оппозиции (Кузнецов 2017).

Несколько особняком в плане определяющего воздействия племенного фактора стоят Марокко и Иордания, сохраняющие политическую стабильность. В Марокко важную роль играет руководство городских элит и крупных племенных союзов, которые находят общий язык с правящей династией Алауитов (Васильев, Петров 2012: 267). В Марокко султан с помощью городской элиты возвысился над традиционной племенной элитой (Бирюков 2013: 37).

С началом гражданских войн в ряде регионов, исламистские радикальные организации активно использовали племенной фактор. В ряде стран Аль Каиды опиралась на старейшин местных племен (Нечитайло 2012: 24). В Йемене исламисты стараются заручиться поддержкой местных племен (Пластун 2012: 26). ИГИЛ

в Ираке смог привлечь на свою сторону недовольные суннитские племена (Долгов 2016: 5). Поддержка Исламского государства осуществлялась в противовес шиитскому руководству (Желтов, Желтов 2016: 26).

Следует отметить, что в Турции, Иране племенной аспект не играл никакой определяющей роли в политической сфере. То же самое относится к Египту, который, как уже говорилось выше, ближе к СТГ. Единственным исключением являются хорошо вооруженные племена Синай (Пластун 2012: 23), которые являются «головной болью» для центрального руководства страны.

Параллели (информация к размышлению).

Близость ряда глубинных особенностей исторического развития, в первую очередь уровня феодальной революции, сближает нынешнюю социально-политическую ситуацию на Ближнем Востоке с рядом регионов. И как не покажется странным, в том числе с Украиной.

На Украине, после ее завоевания Литвой во второй половине XIV в., феодальная революция отличалась крайне низким уровнем (Кондорский 2021а: 57–58). Вследствие этого, для современной Украины характерны многочисленные рецидивы архаических институтов. В частности, реципрокации, редистрибуции, проявления архаического института «мужского союза» (Кондорский 2019б: 115–116). Все эти явления еще в большей степени характерны для арабского типа социально-исторического сознания. В частности, распределительный (редистрибутивный) характер экономики (Звягельская 2015: 110). Исламский радикализм реально опирается на архетип «мужского союза».

Наблюдается сходство в наличие патронажно-клиентального сознания. Основой жизнедеятельности индивида в арабском обществе является его включенность в солидаристские отношения. Растворение индивида в коллективе ведет к деперсонализации установок сознания, неразвитости личностного фактора (Воронин 2009: 23). В наибольшей степени это проявляется в асабийи (сохранившейся еще с доисламских времен) – безусловного приоритета групповых интересов племени и клана. Для арабских стран, также, как и для африканских, характерен неопатримониализм как синтез элементов традиционализма и современного государства (Eisen-

stadt: 1973). То же самое относится к постсоветским государствам, включая Украину (Фисун 2004).

Если на Ближнем Востоке патронажно-клиентальные отношения являются органической частью социальной сферы, то на Украине исторически они затронули элиту. Во время Хмельнитчины и последующей гражданской войны (Руины) руководство казацкой старшины постоянно искало покровителей среди своих соседей – Крымского ханства, Османской империи, России, Швеции, даже Трансильвании. При этом, гетманы регулярно высказывали свою преданность польскому королю (Кондорский 2021а: 66). Казацкая старшина отличалась выраженной корпоративностью, не обращая должного внимания на простой украинский народ.

Подобного рода тип сознания проявил себя в полной мере и во время Гражданской войны на Украине 1917–1920 гг., особенно в виде Варшавского договора от 21 апреля 1920 г., заключенного Петлюрой с руководством тогдашней Польши. Однако то, что мы сейчас имеем на современной Украине, намного превзошло протитуированное поведение ее элиты в предыдущие исторические периоды.

Сближает эти два региона и резкая активизация этнического сознания. В рамках социального сознания можно выделить две основных составляющих – этническую и личностную (Кондорский 2019б: 119). Этническое сознание формируется еще в детстве (приблизительно до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер. Его нельзя изменить волевым путем. Можно говорить только о степени его активизации.

Характерной особенностью этнического сознания является то, что социальная действительность категоризируется посредством базовой пары «мы-они» (Ачкасов 1999: 49). Этническое сознание приводит к деиндивидуализации в форме национализма, где коллективная граница «свой-чужие» является определяющей (системообразующей). Этот тип общности основан на эмоциях, чувствах и обладает мощной энергетикой (Прокофьев 2011: 29). При попытке использовать эту «энергетику» в политических целях, она часто выходит из-под контроля. Это как пожар в лесу – его легко поджечь, но трудно потушить (Липкин 2008).

На Украине мы сейчас наблюдаем резкую активизацию этнического сознания, которая подавляет личностное сознание не только на уровне простого населения, но и управляющей элиты. Традиционное этническое сознание обычно сохраняется и воспроизводится в сельской местности. Здесь надо иметь в виду, что в 60–70-е годы на Украине наблюдался массовый приток населения в Киев и другие крупные города (за исключением Донбасса) из сельской местности (Кондорский 2014: 130). Это относится и к более 80 % политической и культурной элиты страны (включая четырех президентов).

Активизация этнического сознания коснулась на Ближнем Востоке, в первую очередь, племенных объединений. Здесь речь идет об активизации не религиозного, а именно этнического сознания, имеющего глубокие доисламские архаические корни. Именно этот фактор сыграл решающую роль в сегментации Ливии, Йемена, Сирии, Сомали. И на Украине, и на Ближнем Востоке произошла активизация и региональной идентичности. В Ливии после Каддафи Киренаика, Триполитания и Феннан возродились как «Феникс из пепла» (Турьинская 2015: 8).

Не надо забывать, что базовая племенная структура Саудовской Аравии никуда не делась (Мирзаян 2015: 69). Племенные традиции не были подвергнуты сомнению в процессе модернизации саудовского общества, а, напротив, были сохранены в основе его социального устройства (Яковлев 2016: 123). Так что здесь в будущем все может быть.

Также, как и на Украине, наблюдался массовый приток населения в город на Ближнем Востоке (Ланда 2005: 33; Пластун 2005: 320). Попытка навязывания законов и принципов экономической и политической систем западного типа, привели к активизации этнического сознания в городской среде со стороны тех, кто придерживался традиционных исламистских взглядов. Здесь активизация этнического сознания уже носит религиозный характер. В частности, салафиты призывают помочь молодежи вырваться из круга родоплеменных отношений (Звягельская 2015: 111).

Выше уже обращалось внимание на иллюзорный характер политико-экономического пространства в арабских странах, связанного со спецификой их исторического развития.

«Иллюзия», от латинского *illudere* – играть, обманывать. На Украине уже тридцать лет мы имеем «игру» в рамках политической и экономической систем. И экономика, и политика функционируют не по объективным законам соответствующих систем, а по законам игры (Кондорский 2019б: 124).

Основной особенностью игры, как социального явления, является ее замкнутый характер – игра ради игры без какого-либо материального результата. Целеполагание игрового действия заключается в самом процессе игры. В данном случае имеет место демократия ради демократии, свобода ради свободы, выборы ради выборов, рынок ради рынка, что мы имеем не только на Украине, но и в арабских странах

На Украине оба «майдана», по существу, представляли театральную постановку. Кстати, КПК в 1989 г. во время событий на площади Тяньаньмэнь отказался поддерживать виртуальную логику спектакля (Якунин *и др.* 2013: 19). При этом, участников «майдана» постоянно держали в состоянии карнавала, народного гуляния (Хосбаум 2016: 33). В рамках архаического карнавала происходит уничтожение истекшего времени, восстановление первичного хаоса и повторение космогонического акта творения (Элиаде 1978: 92). Подразумевалось, что «майдан» как бы решительно рвет всякие связи со старым коррумпированным режимом и начинает творить «царство свободы и демократии». Следует отметить, что подобного рода «игры» во время «цветных революций» были характерны, в первую очередь, для Украины.

Беседы, проведенные академиком А. М. Васильевым с участниками событий февраля 2011 г. (в основном молодого возраста) (Васильев 2011), проявили практически такую же ментальность. Это эйфория радужных перспектив и надежд только на том основании, что свергнут старый режим, даже среди маститых представителей творческой интеллигенции. Это «помешательство» на демократии, свободе, предстоящих выборах и борьбе с коррумпированными чиновниками. Это проявление «шариковщины» – конфисковать деньги у коррупционеров и разделить среди населения. При этом, называлась цифра в 60 млрд. долларов, якобы вывезенных режимом Х. Мубарака за границу. Поразительно, но такая же цифра инкриминировалась свергнутому украинскому президенту В. Януковичу.

Во время Арабской весны оппозиционное либеральное движение активно использовало информационные возможности интернета и мобильной связи. Шла раскачка со стороны арабских телеканалов, продвигавших западные ценности в арабской упаковке (Васильев, Петров 2012: 68). Использование сетевых технологий (Фитунни 2011: 12) подсознательно воспринималось молодежью в качестве своеобразной игры и по законам игры. Имели место элементы спектакля и карнавала.

Просматривается сходство между греко-католической религией и исламом. УГКЦ, не смотря на внешнюю православную оболочку, внутренне враждебна классическому православному менталитету. И православие и, особенно католицизм, основаны на Вере, которая фактически подменяет Бога. Вера позволяет говорить о различных формах и уровнях религиозности, дает человеку в этом определенные степени свободы (Кондорский 2020в: 203).

В архаический период все, что было связано с мифом и его персонажами, не требовало никаких доказательств. Человек и миф представляли собой органическое единство. Нечто похожее мы имеем в украинской греко-католической религии, которая в сознании жителей Западной Украины имеет, по существу, мифологическую основу. Т. е. здесь все, что касается религии, воспринимается как некий абсолют. Внутренний менталитет кардинально отличается как от православной, так и католической церкви.

Нечто похожее мы имеем в исламе. В исламе Аллах предстает в качестве некоего абсолюта, имеющего явные параллели с мифологическим сознанием. Несмотря на то, что мусульманская религия считается более монотеистической по сравнению с христианством, это касается только формы. Если взять содержание, то здесь связь с предшествующим язычеством гораздо прочнее. Мы считаем, что именно это несоответствие между формой и содержанием, в условиях активизации этнического (традиционного) сознания, и является основным психологическим источником радикального ислама на Ближнем Востоке.

Западноукраинский национализм проявил себя в самых радикальных формах во время Волынской резни в 1943 г. Историки насчитали более ста способов садистского умерщвления людей. Обращает на себя внимание обыденный характер участия обычных украинских селян в геноциде польского населения Волыни. Все

зверства воспринимались как нечто естественное, можно сказать, природное. Как в свое время каннибалы «без зазрения совести» убивали людей, чтобы потом их съесть (Кондорский 2020в: 205).

В настоящее время на Украине произошло воспроизведение национализма образца 40-х годов (под непосредственным влиянием западно-украинской элиты), который прошел «точку невозврата» и превратился в автономный феномен, независимый от воли руководства Украины и определяющий характер сознания украинского истеблишмента. А. Несмиян сравнивает современную нацистскую Украину с Исламским государством. Оба являются смертельными врагами для России и должны быть уничтожены (Эль Мюрид 2016: 180).

Интересная параллель. Галичане считают жителей Центральной и Восточной Украины неполноценными украинцами. Ваххабиты относят к неверным мусульман, которые не разделяют их взгляды (Пластун 2005: 139). И вообще, идеологический ислам противопоставляет «единственно верное учение» неверным, праведный образ жизни – неправедному» (Гринин 2020: 810). Просматривается поразительная аналогия с поведением США и западноевропейских стран в сфере продвижения и «защиты демократии». Это может говорить только о процессах своеобразной архаизации уже в рамках западной цивилизации. Что естественно, с учетом ее исторического возраста.

Заключение

Для понимания глубинных основ современных социально-политических процессов в мусульманских странах, автором была использована революционная концепция исторического развития, предполагающая элементы определяющего влияния прошлого на современность в рамках определенных временных систем (Кондорский 2022а). Основную роль сыграла глубина и характер феодальных революций, в свою очередь, определившие сроки начала и характера протекания революционных периодов в государствах и регионах Нового времени.

Как уже говорилось выше, феодальная революция в Аравии носила атипичный характер, на 300-400 лет раньше, чем в Западной Европе. Просматривается сходство основных принципов с индустриальными направлениями биологической эволюции, когда маги-

стральному пути развития того или иного типа биологической организации, предшествовали ветви, которые «решали поставленные задачи» более быстрыми и простыми способами. В дальнейшем, имело место их или вымирание, или переход в инерционный период, обычно сопровождавшийся процессами архаизации и примитивизации.

В древней истории примером может служить история Спарты. В архаический период, в первой половине VI в. до. н. э., Спарта раньше других полисов достигла достаточно высокого уровня в культуре и искусстве и по многим параметрам была похожа на классические Афины V в. Спартанские мастера изготавливали великолепные расписные вазы, разнообразные ювелирные изделия (Андреев 2008). Затем наступил известный период архаизации всего и вся.

Нечто похожее имело место в процессе развития арабской цивилизации, которая уже в начале II тыс. перешла в инерционный период. Не нужно забывать, что базовый архетип здесь остался общинно-кланово-племенным. В первую очередь, в сельской местности. Чисто торговый (в основном престижными вещами) характер экономики также сыграл не самую положительную роль.

Традиционное мусульманское государство являлось не территориальным, а религиозно-племенным образованием (Еремеев 1990: 24). Еще в доисламский период функция главы племени (шейха) состояла в арбитраже, а не в командовании, Он не обладал полномочиями принуждать и само понятие власти, царского положения, наказания и т.п. было ненавистно арабскому кочевому обществу (Бернард 2017: 32). Исторически, глубокий кризис правящего режима наступал при утрате доверия со стороны населения (Васильева 2000: 8). Отсюда – историческая слабость современной государственности на Ближнем Востоке (Гринин, Коротаев 2019: 15; Grinin, Korotayev 2022: 114)

Коран и Сунны Пророка не содержат конкретных предписаний, регулирующих организацию и деятельность исламской власти. В традиционной суннитской мысли для обозначения исламского государства используются понятия «имамат» (руководство молитвой) и халифат (преемство). Согласно исламской концепции в основе государства должно лежать осуществление верховной мир-

ской власти и поддержание веры на уровне мусульманской общины (Сюкияйнен 2017: 88–89).

Следует отметить, что в концепции исламского государства просматривается много элементов, характерных для вожества. Согласно Корану высшую власть осуществляет община, обладающая полным суверенитетом (Ахвердиев 2016: 264). Именно община делегирует властные полномочия правителю, который должен исполнять ее волю и защищать интересы (Сафаров 2010: 100).

В основе прочности восточной общины лежит всемерная включенность человека в тесно сплетающиеся сети патриархальных, родовых, клановых, племенных, семейных, этнических, конфессиональных, земляческих и иных социальных сетей. Вне общины, вне этих связей человек на Востоке не существует как член общества (Ланда 2005: 16). Для арабских сообществ характерна политическая культура, сохраняющая элементы архаики, религиозной этики, преобладание общинных (племенных) интересов над интересами индивидуума (Звягельская 2015: 105).

Главный идеолог братьев-мусульман Сейид Кутб обратил внимание на абсолютную уникальность ислама, аналога которого не было ни до, ни после его появления. Единственным источником власти является Аллах, а не народ (Яшин 2008: 84). По мнению исламистов, управлять справедливо можно только на основе шариата, имеющего божественное происхождение, а не на основе законов, созданных человеком (Васильев 2011: 5). Ислам несовместим с современным государством, ибо воля Бога воплощена в общине (Гюлалып 1999: 125). Популярность исламизма в настоящее время связана с тем, что он наиболее адекватно соответствует образу мыслей и жизни, мировоззрению подавляющей части населения в арабских странах (Гринин, Кортаев 2019: 6–7).

Подобного рода ментальность имеет теоретические предпосылки. Согласно революционной концепции автора, исторический процесс состоит не только из этапов своего развития, но и представлен социальной и общественной эпохами, что предполагает принципиальные различия этих двух категорий (Кондорский 2020а: 569). Арабский мир так и не смог выйти из социальной сферы в плане своего коллективного сознания, в отличие от Запада и мусульманских СТГ. «Общественность» здесь носит внешний, поверхностный характер.

Глубинную суть экономических и политических процессов невозможно понять с позиций законов политической и экономической систем западного типа. Например, можно говорить об экономике «элитарного» типа. В Египте (и не только) военные контролируют до 40 % экономики (Гринин, Коротаев 2014: 152).

Попытки навязывания этих систем, насильственной вестернизации как раз и привели к активизации религиозного сознания, ностальгии по временам первичной мусульманской общины. Отсюда, противостояние мира истинного ислама по отношению к миру неверных. Община воспринимается как главная мировоззренческая ценность. Все общество представляется как своеобразная иерархия общин (Добаев 2003: 53).

Особая ситуация характерна для мусульманских СТГ (Турции, Ирана и др.). Здесь мы наблюдаем определяющее влияние как общественных, так и социально-религиозных законов, в отличие от Западной Европы, где общинная структура социума была разрушена капиталистическим способом производства. Соответственно, государственная власть должна поддерживать определенное равновесие между двумя этими тенденциями.

Как уже говорилось, обычная продолжительность РП около ста лет. РП в арабских странах начался после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в. Так что в плане возможных событий революционного типа, здесь все еще может быть.

Библиография

Абрамов А. В. 2009. Политическая элита как высшая политическая страта общества: подходы, исследования, стратегии. *Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки* 4: 142–145.

Аватков В. А., Тюкаева Т. И. 2014. О Халифате и геополитике в современном арабо-исламском регионе. *Полития* 1: 106–118.

Аватков В. А. 2021. Внешняя и внутренняя политика Турции. Ключевые изменения 2020. *Свободная мысль* 1: 81–90.

Аватков В. А. 1996. *Авторитаризм и демократия в развивающихся странах* / Отв. ред. В. Г. Хорос. М.: Наука.

Агаев С.Л. 1981. *Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса.* М.: Наука.

Агаев С.Л. 1987. *Иран между прошлым и будущим.* М.: Политиздат.

- Аганин А. Р. 2020.** Племена Ливии и их роль в политическом процессе. *Ближний Восток и современность* 54: 5–40.
- Аксененок А. 2013.** Египет: особенности переходного периода. *Россия и мусульманский мир* 12: 127–149.
- Аксенов В. 2017.** Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца». *Российская история* 2: 17–32.
- Алиев С.М. 2004.** *История Ирана. XX век.* М.: ИВ РАН – Крафт.
- Алиев С.М. 1990.** *Арабский мир. Три десятилетия независимого развития.* М.: Наука.
- Андреев Ю. В. 2008.** *Архаическая Спарта. Искусство и политика.* СПб.: Нестор-история.
- Арель Д. 2005.** Украина выбирает Запад, но без Востока. *Pro et Contra* 1: 39–51.
- Ахвердиев Э. Э. 2016.** Концепция Халифата как мусульманской формы правления. *Вестник КостГУ.* Т. 22 3: 263–266.
- Ачкасов В. А. 1999.** Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. *Журнал социологии и социальной антропологии* 1: 45–56.
- Ба Алави М. М. 2014а.** Роль йеменских племен в революции 2011 г. *Среднерусский вестник общественных наук* 5: 130–133.
- Ба Алави М. М. 2014б.** Современные медиа и их влияние на революционный процесс «Арабской весны». *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)* 8: 22–29.
- Бадаун Н. М., Куделин А. А. 2017.** Влияние арабского возрождения (аннахда) на идеологию «Братьев-мусульман». *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история* 1: 53–66.
- Барг М. А., Черняк Е. Б. 1990.** *Великие социальные революции XVII – XVIII веков.* М.: Наука.
- Беляков В. В. 2013.** *Революция 25 января в Египте: причины и следствия. Арабский мир после арабской весны.* М.: Ленанд. С. 64–84.
- Бернард Л. 2017.** *Арабы в мировой истории, с доисламских времен до распада колониальной системы.* М.: Центрполиграф.
- Бестужева С. И. 1993.** *Национализм, панарабизм, панисламизм. Западная Азия: этнополитическая ситуация.* М.: Наука, Восточная литература. С. 61–81.
- Бирюков С. В. 2013.** Патримониализм vs султанизм. «Арабская весна» и судьбы традиционного господства. *Восток* 6: 30–40.

- Блинов А.И. 1960.** *Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866 – 1868 гг.)*. Красноярск: КГПИ.
- Блок М. 1957.** *Характерные черты французской аграрной истории*. М.: Иностранная литература.
- Бобохонов Р. С. 2017.** *Ислам и Запад. Антизападные тенденции в развитии исламской цивилизации*. М.: Научные технологии.
- Борисов А. Б. 2007.** *Ливия: роль племенного фактора*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=65968&print=1>.
- Бродель Ф. 1997.** *Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века*. М.: Изд-во Сабашниковых.
- Булдаков В. П. 1997.** *«Красная смута». Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН.
- Васильев А.М. 1999.** *История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.)*. М.: Классика плюс.
- Васильев А.М. 2011.** Цунами революций не спадает. *Азия и Африка сегодня* 6: 2–9.
- Васильев А. М. 2012а.** Египет после выборов. *Азия и Африка сегодня* 4: 2–15.
- Васильев А. М. 2012б.** Иран как «шиитская сверхдержава»: реальные и мнимые вызовы. *Азия и Африка сегодня* 8: 3–13.
- Васильев А., Петров Н. 2012.** *Рецепты Арабской весны: русская версия*. М.: Алгоритм.
- Васильев А.М., Винницкий Д.И. 2014.** Новый виток египетской революции. *Азия и Африка сегодня* 1: 4–11.
- Васильев Л. С. 1982.** Феномен власти-собственности. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М.: Наука. С. 60–99.
- Васильева М. В. 2000.** Эпоха фитны и андалузские историки. *Восток* 6: 5–18.
- Верг Н. 2006.** *История Советского государства*. М.: Весь Мир.
- Владимирский А.В. 2014.** *Великий Ататюрк*. М.: Яуза, Эксмо.
- Воронин С.А. 2009.** *Ислам, национализм и власть: Индонезия, Ливия, Иран*. М.: Лабиринт.
- Воронин С. А. 2015.** Процесс глобализации как проект неолиберализма? Что нас ожидает. *Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история* 4: 7–12.
- Гасимов Н. А. 2014.** Саудовская Аравия после «арабской весны»: внутриполитические процессы и перспективы реформ. *Сравнительная политика* 3: 152–158.

- Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. 1983. *Очерки истории Турции*. М.: Наука.
- Гельман В. 2007. *Украина: фрагментированное пространство*. СССР после распада. СПб.: Экономическая школа. С. 11–75.
- Генифе П. 2003. *Политика революционного террора 1789–1794*. М.: Издательство УРСС.
- Годес М. 1928. *Что такое кемалистский путь и возможен ли он в Китае*. Л.: Прибой.
- Годс М.Р. 1994. *Иран в XX веке*. М.: Наука.
- Голдстоун Дж. 2006. К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5: 58–103.
- Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2021. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119.
- Гринин Л. Е. 2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2017а. Революция и исторический процесс. *Философия и общество* 3: 5–29.
- Гринин Л. Е. 2017б. Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.
- Гринин Л. Е. 2020. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Ежегодник. Т. 11 / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 810–827.
- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис. Политические исследования* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016. Революция как особая стадия развития общества и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Ежегодник Т. 7. Волгоград: Изд-во Учитель. С. 157–190.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019. *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Учитель.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2020.** Методологические пояснения к исследованию революционных событий. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11/ Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Фоломеева. Волгоград: Учитель. С. 854–861.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2021.** Революционные события XXI века и теория революции. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 12 / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Фоломеева. Волгоград: Учитель. С. 543–567.
- Гюлалып Х. 1999.** Глобализация постмодерна: исламская и западная социальные теории. *Арабо-мусульманский мир на пороге XX века. Реферативный сборник*. М.: ИНИОН РАН. С. 122–129.
- Добаев И. П. 2003.** *Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика*. Ростов на Дону: СКНЦ.
- Долгов Б. В. 2012.** *Причины подъема протестных движений в арабских странах*. Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. М.: Либроком. С. 18–24.
- Долгов Б. В. 2016.** «Исламское государство»: причины возникновения и перспективы. *Азия и Африка сегодня* 6: 2–10.
- Долгов Б. В. 2017.** *Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы*. М.: ЛЕНАНД.
- Долуцкий И. И. 1989.** *Россия в начале XX века: общее и особенное. Реформы второй половины XVII–XX вв.: подготовка, проведение, результаты*. М.: ИИ АН СССР. С. 83–107.
- Дорошенко Е.А. 1998.** *Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг.* М.: ИВ РАН,
- Еремеев Д. Е. 1990.** *Ислам: образ жизни и стиль мышления*. М.: Политиздат.
- Желтов В. В., Желтов М. В. 2016.** *Исламское государство: опыт политического исследования*. Кемерово: КемГУ.
- Завалько Г.А. 2005.** *Понятие революции в философии и общественных науках*. М.: КомКнига.
- Звягельская И. Д. 2015.** Архаизация в Арабском мире: после и вместо революций. *Восток* 4: 104–112.
- Зеленев Е.И. 2007.** *Мусульманский Египет*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Зеленев Е. И. 2015.** Арабо-исламская политическая культура и традиционные формы политического протеста (2011–2015 гг.). *Вестник БашГУ*. Т. 20 2: 728–731.

- Зинин Ю. Н. 2013.** Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране. *Вестник МГИМО* 2: 38–41.
- Зинин Ю. Н. 2019.** Ливия: исламский фактор после Каддафи. *Азия и Африка сегодня* 4: 2–8.
- Ибрагимов И. 2019.** *Внутриполитическая ситуация в Египте*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/>.
- Инсель А. 2016.** Новая Турция Эрдогана. От мечты о демократии к отклонению в авторитаризм. *Политический ислам на Большом Ближнем Востоке: возрождение или кризис*. М.: ИНИОН РАН С. 127–144.
- Инсель А. 1989.** *Иранская революция 1978 – 1979. Причины и уроки* / Отв. ред. А. З. Арабаджян. М.: Наука.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2014.** «Соблазненные революцией». *Полития* 2: 21–33.
- Каждан А.П. 1966.** О социальной природе византийского самодержавия. *Народы Азии и Африки* 3: 53–64.
- Карлейль Т. 2008.** *Герои, почитание героев и героическое в истории*. М.: ЭКСМО.
- Карман Т. 2022.** Женщины и «арабская весна». URL: <https://www.un.org/ru/chronicie/article/21875>.
- Кедди Н.Р. 1999.** Иранские революции: сравнительный анализ. *Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века*. М.: ИНИОН РАН. С. 46–54.
- Киреев Н. Г. 2017.** *Очерки политического ислама в Турции*. М.: ИВ РАН.
- Колобов А. О., Колобов О. А., Хохлышева О. О. 2011.** Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке. *Вестник НижГУ* 3: 281–285.
- Колобов О. А., Шульц Э. Э. 2014.** «Арабская весна»: возможные последствия для России. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность* 9: 41–49.
- Колоницкий Б. И. 1997.** *Демократия как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции. 1917 год в судьбах России и мира*. М.: ИРИ РАН. С. 109–118.
- Комлева Н. А. 2013.** Арабская весна: геополитический аспект. *Известия УрГУ*. Сер. 3 3: 191–206.
- Кондорский Б. М. 2013.** Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). *Общество и государство в Китае*. Т. XLIII, ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 16–28.

- Кондорский Б. М. 2014.** Попытка анализа причин кризиса в Украине на основе концепции этнического сознания и революционного периода. *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. 26-е Адлерские чтения.* Краснодар: Традиция. С. 129–133.
- Кондорский Б. М. 2016.** Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса). *Общество и государство в Китае.* Т. XLVI. М.: ИВ РАН. С. 24–40.
- Кондорский Б. М. 2017.** Попытка анализа характера развития капитализма в России в конце XIX – начале XX века с позиций концепции революционного периода. *Журнал региональной истории* 3: 73–91.
- Кондорский Б. М. 2018.** «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода). *История и современность* 4: 88–107.
- Кондорский Б. М. 2019а.** Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути». *Проблемы Дальнего Востока* 2: 21–28.
- Кондорский Б. М. 2019б.** Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств. *История и современность* 3: 112–131.
- Кондорский Б. М. 2019в.** Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии. *Евразия: государство и право* 12: 60–80.
- Кондорский Б. М. 2020а.** Использование теории революционного периода для глобального прогноза. *VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества». Электронное издание.* М.: МГУ ФГП. С. 402–407.
- Кондорский Б. М. 2020б.** Революционная концепция процесса исторического развития. *VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества». Электронное издание.* М.: МГУ ФГП. С. 566–571.
- Кондорский Б. М. 2020в.** Исторические предпосылки формирования идеологии ООН-УПА. II мировая война: историографические традиции и новые подходы к изучению (к 75-летию Победы). *Сборник статей по материалам IV Международной научной конференции.* Пенза: Изд-во ПГУ. С. 199–208.
- Кондорский Б. М. 2021а.** К вопросу об истории государственности Украины. *История и современность* 1: 54–81.
- Кондорский Б. М. 2021б.** Некоторые аспекты теории общественных систем. *История и современность* 4: 85–115.

- Кондорский Б. М. 2022а.** Влияние специфики исторического развития на современные социально-политические процессы. *Ноосферные исследования* 3: 73–97.
- Кондорский Б. М. 2022б.** Элементы теории изгойства (на примере периода древности). *История. Общество. Политика* 2: 80–93.
- Королева Т. В. 2002.** Женское движение в годы Великой Французской революции. *Метаморфозы истории* 2: 170–186.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А., Исаев Л. 2014.** Анатомия египетской контрреволюции. *Мировая экономика и международные отношения* 8: 91–100.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3: Арабская весна 2011 г.* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 28–76.
- Косач Г. Г. 2015.** Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после арабской весны. *Вестник НижГУ* 3: 50–62.
- Косач Г. 2017.** «Видение: 2030». Саудовские реформы. *Свободная мысль* 6: 137–150.
- Космач В. А. 2014.** Великая российская революция 1917 – 1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа. *Метаморфозы истории* 5: 391–423.
- Кошелев В.С. 1984.** *Египет, уроки истории: борьба против колониального господства и контрреволюции, 1879–1981.* Минск: Изд-во Университетское.
- Красин Ю. А. 1975.** *Революцией уstraшенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции.* М.: Политиздат.
- Кривец Е. А. 1993.** *Национализм и национальная культура в странах Арабского Востока (обзор концепций). Западная Азия: этнополитическая ситуация.* М.: Наука. Вост. лит-ра. С. 189–199.
- Крылов А. В. 2017.** «Джабхат ан-Нусра» – террористическая организация и участник сирийского конфликта. *Вестник РУДН. Серия Международные отношения* 4: 655–668.

- Кузнецов А. А. 2017.** *Племенная структура провинции Дейр эз-Зор и ее влияние на процесс примирения в Сирии. Часть 2.* URL: [http://www/iimes.ru/?p=39034&print=1](http://www.iimes.ru/?p=39034&print=1).
- Кузнецов А. А. 2019.** Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене. *Исламоведение* 1: 17–26.
- Кункова В. И. 2010.** Город как главный участник торгово-экономических отношений эпохи Аббасидов (на примере Египта и Ирака). *Вестник СПбГУ. Сер. 13. № 4:* 61–69.
- Куприн А. И. 2011.** *Власть и оппозиция в странах Магриба (70-е годы XX в. – начало первого десятилетия XXI в.).* М.: ИВ РАН.
- Курьев К. П. 2014.** Украинский кризис 2013 – 2014 гг. и «Арабская весна» 2011: сходство и различие. *Вестник РУДН. Сер. Международные отношения* 4: 25–37.
- Ланда Р. Г. 2005.** *Политический ислам: предварительные итоги.* М.: ИБВ.
- Ланда Р. Г. 2012.** Арабский мир: конец «эпохи Насера». *Восток* 6: 51–61.
- Ланда Р. Г. 2014.** Исламизм и арабская «Политическая весна». *Восток* 1: 53–65.
- Ланцов С.А. 2013.** Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия. *Политэкс* 1: 144–159.
- Ленин В. И. 1975.** *Полное собрание сочинений.* Т. 31. М.: Политиздат.
- Липкин А. И. 2008.** *Россия и Европа. Проблемы цивилизационной и национальной идентичности. Россия и Европа: вопросы идентичности.* М.: ИЕ РАН.
- Манойло А. В. 2013.** Специфика цветных революций «арабской весны». *Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки* 3: 30–36.
- Манойло А. В. 2014а.** «Цветные революции» как угроза российской нации. *Вестник российской нации* 3: 176–190.
- Манойло А. В. 2014б.** Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» Арабской весны. *Власть* 4: 24–28.
- Маркс К. 1957.** 18 брюмера Луи Бонапарта. *Сочинения.* 2-е изд. Т. 8 / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат. С. 115–217.
- Мельникова Л. А. 2020.** Основные направления внешней политики Муаммара Каддафи в Арабском мире. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук* 1: 29–31.
- Меркулов П. А., Елисеев А. А., Бочанов М. А. 2016.** «Цветные революции» как технологии современной геополитики. Орел: ОФ РАНиГС.

- Местр де Ж. 1997.** *Рассуждения о Франции*. М.: РОССПЭН.
- Мехдиев Э. Т. 2016.** «Неоосманизм» в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО* 2: 32–39.
- Мирзаян Г. В. 2016.** *Ближневосточный покер: новый раунд Большой Игры*. М.: Эксмо.
- Михельс Р. 2000.** Демократическая аристократия и аристократическая демократия. *Социологические исследования* 1: 107–116.
- Наумов А. О. 2016.** *Мягкая сила, цветные революции и технологии смены политических режимов в начале XXI века*. М.: Аргамак-Медиа.
- Непомнин О.Е. 1998.** Директивно-распределительная система гоминьдана и концепция «бюрократического капитала». *XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 384–390.
- Нефедов С. А. 2017.** Слухи как причина Февральской революции 1917 года. *Историческая и социально-образовательная мысль* 2: 15–20.
- Нечитайло Д. А. 2012.** «Аль-Каида» и «Арабская весна». *Азия и Африка сегодня* 9: 22–26.
- Орлова С. В., Седова Т. В. 2016.** Арабская весна: надежды и разочарования. *Власть* 10: 205–211.
- Ортега-и-Гассет Х. 1997.** Восстание масс. *Избранные труды*. М.: Весь мир. С. 43–164.
- Оськин М. В. 2014.** *История Первой мировой войны*. М.: Вече.
- Оськин М. В. 2002.** Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т.1. *От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания*. М.: РОССПЭН.
- Пайпс Р. 1994.** *Русская революция*. Кн. 1. М.: РОССПЭН.
- Палеолог М. 1991.** *Царская Россия накануне революции*. М.: Новости. С. 652.
- Парето В. 2011.** *Трансформация демократии*. М.: Территория будущего.
- Пейн Р. 2002.** *Ленин. Жизнь и смерть*. М.: Молодая гвардия.
- Петросян Ю. А. 2003.** *Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки*. М.: Эксмо.
- Пластун В. Н. 2005.** *Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока*. Новосибирск: ИД «Сова».
- Пластун В. Н. 2011.** *Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке*. М.: МОФ «ЭТЦ».

- Попс О. 2013.** Политический ислам: унитарное или многообразное движение? *Арабо-мусульманский мир. Реферативный сборник*. М.: ИНИОН РАН. С. 137–140.
- Примаков Е. М. 2016.** *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*. М.: Центрполиграф.
- Прокофьев А. В. 2011.** *«Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI в. На примере Грузии, Киргизии, Украины*. Казань: КазГУ.
- Розалиев Ю.Н. 1995.** *Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерки жизни*. М.: Восточная литература.
- Саватеев А. Д. 2017.** Исламистские движения: от фундаментализма к террору? *Азия и Африка сегодня* 6: 18–24.
- Сафаров Б. А. 2010.** *Раннее исламское государство и формирование исламских представлений о власти*. Дис. канд. юрид. наук. Душанбе.
- Сергеева Ю. 2022.** *США утратили влияние на Ближнем Востоке*. URL: <http://live24.ru/politika/ssha-utratal-vlyanie-na-blizhnem-vostoke.html>.
- Серенко А. 2020.** *COVID джихаду не помеха*. URL: <https://news.mail.ru/incident/41816935/?frommail=10>.
- Согрин В. В. 1998.** Революция и термидор. К исторической типологии общественно-политических процессов в России 90-х годов. *Вопросы философии* 1: 3–16.
- Солоухин М. 2021.** *Что такое «феодалная революция»?* URL: <https://palaman.livejournal.com/220693.html>.
- Сорокин П. А. 2005.** *Социология революции*. М.: РОССПЭН.
- Сюкняйнен Л. Р. 2016.** Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате. *Право. Журнал ВШЭ* 3: 185–205.
- Сюкняйнен Л. Р. 2017.** Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация. *Россия и мусульманский мир* 9: 87–104.
- Тарле Е. В. 1959.** *Сочинения*. Т. VI. М.: Изд-во АН СССР.
- Теплицын В. Л. 2002.** *«Бесмысленный и беспощадный». Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1922 гг.* М.: РГГУ.
- Тешке Б. 2011.** *Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений*. М.: ИД ГУВШЭ.
- Товмасын С. А. 1980.** *Ливия на пути независимости и социального прогресса*. М.: Наука.
- Токвиль де А. 2008.** *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя.
- Троцкий Л. Д. 1997.** *История русской революции*. Т. 1. М.: Республика.

- Турьинская Х. М. 2015.** Ливия. Возможен ли возврат к федерализму? *Азия и Африка сегодня* 8: 18–23.
- Урнов А. Ю. 2015.** *США – Африка: политика администрации президента Б. Обамы 2009–2014.* М.: ИА РАН.
- Фахиме С. 2014.** Политический ислам в Египте: причины поражения «Братьев-мусульман» и Мухаммеда Мурси. *Власть* 10: 113–115.
- Фахрутдинова Н. З. 2013.** А была ли «Арабская весна»? *Азия и Африка сегодня* 5: 27–32.
- Филин Н. А. 2012.** Социально-демографический фактор массовых волнений в арабских странах и Иране. *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы научной конференции ИА РАН.* М.: Либроком. С. 40–44.
- Фильштинский И.М. 2005.** Халифат под властью Омейядов (661–750 гг.). М.: Соверо-принт.
- Фисун А. 2004.** *Неопатримониализм: разгадка постсоветских трансформаций? Ойкумена. Альманах сравнительных исследований.* Харьков: Константа. С. 130–140.
- Фитуни Л.Л. 2011.** Ближний Восток: технологии управления протестным потенциалом (уроки арабских восстаний). *Азия и Африка сегодня* 12: 8–16.
- Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г. 2012.** Навстречу «Арабской зиме». Формирующиеся политические и экономические тренды в странах Северной Африки. *Азия и Африка сегодня* 6: 2–9.
- Фитуни Л.Л. 2012.** «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения* 1: 3–14.
- Фролов Э. Д. 1988.** *Рождение греческого полиса.* Л.: Изд-во ЛГУ.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах.* М.: Прогресс.
- Ходоров А.Е., Павлович М.П. 1925.** *Китай в борьбе за независимость.* М.: Научная ассоциация востоковедов.
- Хосбаум Э. 1999а.** *Век революций. Европа 1789–1948.* Ростов на Дону: Феникс.
- Хосбаум Э. 1999б.** *Век империй. 1875–1814.* Ростов на Дону: Феникс.
- 2016.** *Что надо знать о «цветных революциях»* / Гл. ред. А. Б. Ананченко. М.: МПГУ.
- Черкасов П. П. 2012.** Наполеон III – император французов. *Новая и новейшая история* 3: 197–216.

- Шишкина А. Р. 2014.** «Арабская весна»: сценарии, основные акторы, движущие силы. *Политическая наука* 4: 116–130.
- Шпилькова В.И. 1977.** *Младотурецкая революция 1908–1909 гг.* М.: Наука.
- Шульц Э. Э. 2014а.** Сирия: к пониманию причин гражданской войны. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность* 29: 35–42.
- Шульц Э. Э. 2014.** Украина и Египет: закономерности «цветных революций». *Национальные интересы: приоритеты и безопасность* 22: 52–55.
- Шульц Э. Э. 2015.** «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях). *Историческая психология и социология истории* 2: 158–173.
- Шульц Э. Э. 2018.** К вопросу о классификации революций. *Полития* 2: 137–155
- Шумилин У. З. 2015.** *Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны».* М.: Международные отношения.
- Щегловин Ю. Б. 2016.** *Размышления об «Исламском государстве».* М.: ИБВ.
- Эйзенштадт Ш. 1999.** *Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций.* М.: Аспект Пресс.
- Элиаде М. 1998.** *Миф о вечном возвращении.* СПб.: Алтейя.
- Эль Мюрид. 2016.** ИГИЛ. «Исламское государство и Россия. Столкновение неизбежно? М.: Книжный мир.
- Эль Мюрид. 2011.** Эхо арабских революций. *Азия и Африка сегодня* 5: 2–5.
- Яковлев А. Н. 2017** Власть и насилие в Саудовской Аравии: эволюция целей и методов в начале XXI в. *Восток* 2: 116–129.
- Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. 2013.** *Новые технологии борьбы с российской государственностью.* М.: Научный эксперт.
- Яшин И. Г. 2008.** Дихотомия «исламский мир» – Запад в учении Сейида Кутба (1906 – 1966). *Вестник РУДН. Серия Политология* 1: 83–90.
- Яшин И. Г. 2011.** A Saudi Princes Plea for reform. *The New York Times*. Feb. 24.
- Bakri N. 2011.** Thousands in Yemen Protest Against the Government. *The New York Times* Jan. 27.
- Brinton C. 1965.** *The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition.* New York: Vintage Books.

- Davies J. 1962.** Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27: 5–19.
- Duby G. 1978.** *Les trois orders ou l'imaginaire du feodalisme*. Paris: Gallimard.
- Eisenstadt S. N. 1973.** *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. London: Sage Publications.
- Fairbanks C. 2007.** Revolution reconsidered. *Journal of Democracy* 8(1):49–52.
- Foran J. 2005.** *Taking Power. On the Origins of Third World Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Friedrich C. J. 1966.** *An Introductory Note on Revolution. Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*. New York: Atherton Press. P. 3–9.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University California Press.
- Goldstone J. A. 2000.** Capitalist Origins of the English Revolution: Chasing a Chimera. *Revolution Critical Concepts in Political Science* 3: 5–42.
- Goldstone J. A. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56: 3–21.
- Grinin L. 2022.** Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Evolution. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. P. 69–105.
- Grinin L., Korotayev A. 2022.** Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. P. 105–138.
- Hagopian M. N. 1975.** *The Phenomenon of Revolution*. New York: Dodd, Mead.
- Hale H. E. 2006.** Democracy of Autocracy on the March? The Colored revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies* 39(3): 305–329.
- Herd G. P. 2005.** Colorful Revolutions and the CIS: «Manufactured» Versus Managed Democracy. *Problems of Post-Communism* 52(2): 3–18.
- Howard P. N., Hussian M. 2011.** The Role of Digital Media. *Journal of Democracy* 22 (3): 35–48.

- Johnson C. 2014.** *Revolution and the Social System*. Oxford: Oxford University Press.
- Kaufmann E. P., Toft M. D. 2012.** *Introduction. Political Demography How Population Changes Are Reshaping International Security and national Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- McFaul M. 2005.** Transitions from Postcommunism. *Journal of Democracy* 16(3): 9–13.
- Pan Ru-long, Dai Zheng-quin. 2005.** Color Revolutions and International Non-Governmental Organizations. *Journal of University of Electronics (Social Sciences Edition)* 4: 9–13.
- Raghavan S. 2011.** Inspired by Tunisia and Egypt, Yemenis Join in Anti-government Protests. *The Washington Post*. Jan. 27.
- Samad A. Z. 2007.** Civil Society in the Arab Region: Its Necessary Role and the obstacles to Fulfillment. *International Journal of Not-for-profit Law* 9(2): 3–24.
- Shulman S. 2005.** National Identity and Public Support for Political and Economy Reform in Ukraine. *Stavic Review* 64 (1): 59–87.
- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stone L. 1966.** Theories of Revolution. *World Politics* 18(2): 159–176.
- Wansbrough J. 1978.** *The Sectarian Milieu Content and Composition of Islamic Salvation History*. Oxford: Oxford University Press.
- Way L. 2005.** Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave. *World Politics* 57(2): 231–261.
- Way L. 2008.** The Real causes of the Color Revolutions. *Journal of Democracy* 16(7): 55–69.